

Г. 2
943

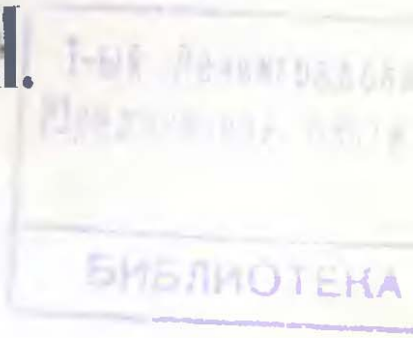
прав. 1940
1986

А. М. ГУЛЯЕВЪ.

**ОБЩИЙ СРОКЪ
ЗЕМСКОЙ ДАВНОСТИ.**

СПбГУ

*Изъ Журнала Министерства Юстиции
(Сентябрь и Октябрь 1900 г.)*

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІА.
1900.**

ОБЩІЙ СРОКЪ ЗЕМСКОЙ ДАВНОСТИ

А. М. Гуляева.

Non (?) ambigitur senatum jus facere
posse (L. 9. Dig. de legibus).

Хотя въ манифестѣ объ изданіи Свода законовъ и воз-
вѣщено было, что „Сводъ законовъ ничего не измѣняетъ въ
силѣ и дѣйстви ихъ, но приводитъ ихъ только въ едино-
образіе и порядокъ“, и что, при приведеніи законовъ въ
ясность и твердый порядокъ, повелѣно было „соединить за-
коны въ правильный и единообразный Сводъ и изложить
ихъ въ точной ихъ силѣ, безъ всякаго въ существѣ ихъ из-
мѣненія“, однако самая систематизація законовъ неизбежно
должна была отразиться на значеніи того или инаго законо-
положенія, въ зависимости отъ взаимной связи съ другими
статьями Свода,—помѣщеніе закона въ тотъ или другой
раздѣлъ должно было отразиться на истолкованіи содержа-
щейся въ немъ нормы при примѣненіи ея на практикѣ.
Статьи Свода представляютъ собою не только изложеніе
неотмѣненыхъ правъ изъ обширнаго, исторически сло-
жившагося законодательнаго матеріала, но нерѣдко онѣ
даютъ новую комбинацію законодательныхъ элементовъ, обра-
зую институты, неизвѣстные прежнему праву.

Съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ практика справляется
теперь рѣдко, возлагая все свои упованія на разъясненія

Правительствующаго Сената, рѣшеніямъ котораго усвоается значеніе непреложной истины. Текстъ закона во многихъ случаяхъ отстываетъ на второй планъ, а мѣсто закона для практики занимаютъ сенатскія толкованія, перѣдко толкованія на прежнія толкованія. Рѣшенія Сената практика принимаетъ безъ провѣрки; самостоятельность въ толкованіи законовъ постепенно уступаетъ мѣсто заноминанію №№ кассационныхъ рѣшеній.

Подъ вліяніемъ такого отношенія къ тексту законовъ, игнорирующаго историческое ихъ развитіе, въ судебную практику проникаютъ оппортунистическія толкованія, проводящія такіе взгляды, которые чужды нашему законодательству.

Несомнѣльны заслуги Правительствующаго Сената въ области интерпретаціи нашего дѣйствующаго права; но, разумѣется, разъясненіе истиннаго смысла правовыхъ нормъ не должно превращаться въ созданіе новыхъ нормъ, не вытекающихъ или даже противорѣчащихъ дѣйствующему закону. Разъясненіе закона не должно игнорировать историческаго его происхожденія и развитія; характеръ статей Свода вызываетъ необходимость исторической интерпретаціи ихъ.

Господствующее ученіе о давности, какъ оно отразилось въ юридической литературѣ ¹⁾ и въ практикѣ Правительствующаго Сената, не оправдывается ни исторіей нашего законодательства, ни теоретическими положеніями науки права. Изслѣдованіе законовъ о давности и истолкованіе ихъ при примѣненіи къ практическимъ случаямъ не должно игнорировать исторіи этихъ законовъ. Въ цѣляхъ догматическаго изслѣдованія вопроса о давности нѣтъ надобности вдаваться въ изученіе историческаго матеріала, предшествующаго тѣмъ законодательнымъ актамъ, на которые сдѣланы ссылки подъ статьями 1 ч. X т., говорящими о давности, потому что по вполнѣ правильному замѣчанію И. Е. Энгельмана, „въ

---

¹⁾ Энгельманъ—О давности по русскому гражданскому праву. 1868. Боровиковскій—Отчетъ судьи. Т. II; IV. Давность. Побѣдопосцевъ—Курсъ гражданского права. Т. I. Аппенковъ—Система русскаго гражданского права. Т. II. Вербловскій—„Давность“, въ Энцикл. словарѣ Брокгауза и Ефрона. Соответствующія кассационныя рѣшенія указаны ниже.

указахъ Екатерины II, вводившихъ десятилѣтнюю давность, о ней говорится какъ о чемъ-то совершенно новомъ, о ней говорится какъ о новой милости; нигдѣ не сказано, что прежніе сроки давности отмѣняются, или замѣняются новымъ, что новый срокъ давности примѣняется къ дѣламъ и отношеніямъ, на которыя до тѣхъ поръ давность не имѣла примѣненія, какъ это дѣлается впоследствии, при примѣненіи десятилѣтней давности къ привилегированнымъ губерніямъ, въ которыхъ существовали разные сроки давности. Десятилѣтняя давность объявлена совершенно новоустановленнымъ, основнымъ закономъ“. Напротивъ, разсмотрѣніе всѣхъ законовъ о земской давности, изданныхъ послѣ Екатерининскихъ манифестовъ, является совершенно необходимымъ для полнаго уясненія дѣйствующихъ законовъ о давности.

I.

28 іюня 1787 г. издавъ былъ по поводу 25-лѣтія царствованія Императрицы Екатерины II манифестъ „о разныхъ дарованныхъ народу милостяхъ“, въ которомъ, отозвавшись съ похвалою о своихъ подданныхъ, Императрица говоритъ: „симъ образомъ дѣйствуетъ въ душѣ нашей признаніе къ народу, дѣлами предковъ и своими славному и отечественныя добродѣтели въ себѣ хранящему; и хотя въ теченіе царствованія нашего не преставали мы благотворить оному: но вспоминая горячую любовь и приверженность его къ намъ, наипаче же въ самый сей день явленныя, восхотѣли мы оказать матернюю нашу милость, распространяющуюся на различныя состоянія нашихъ подданныхъ; и потому повелѣваемъ: . . . . п. 4. манифестомъ 17 марта 1775 г. узаконивъ, что всякое дѣло или преступленіе уголовное, которое въ теченіе 10 лѣтъ не сдѣлалось гласнымъ, долженствуетъ предано быть вѣчному забвенію. Право сего десятилѣтняго срока распространяемъ на всѣ дѣла гражданскія какъ между частными людьми, такъ между ними и казною, и потому, о недвижимомъ или движимомъ имѣніи кто не учинилъ, или не учинитъ иска 10 лѣтъ, или, предъявля оный, 10 лѣтъ по

опому не будетъ имѣть хожденія, таковой искъ да уничтожится, а дѣло да предастся вѣчному забвенію“. Заключительныя слова манифеста касаются способовъ толкованія содержанія этого акта: „Соизволяемъ, чтобъ сими даруемыми отъ насъ милостями всѣ тѣ, на коихъ оныя простираются, немедленно и въ полной мѣрѣ воспользовались; и не позволяемъ, чтобъ сіи статьи инако толкуемы были, какъ по самимъ словамъ ихъ“,—а если бы встрѣтились сомнѣнія въ толкованіи, то надлежитъ въ установленномъ порядкѣ представлять сомнѣнія на разрѣшеніе самой Государыни.

Приведенный 4-й пунктъ манифеста 28 іюля 1787 г. безъ всякаго основанія показанъ въ числѣ источниковъ 533 ст. дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ: изъ текста манифеста никоимъ образомъ нельзя сдѣлать выводъ, что „спокойное безспорное и непрерывное владѣніе въ видѣ собственности превращается въ право собственности, когда оно продолжится въ теченіе установленной закономъ давности“.

Ссылка на манифестъ 28 іюня 1787 года можетъ относиться развѣ къ послѣднимъ словамъ ст. 533—„установленной закономъ давности“. Такое же ограниченное значеніе имѣетъ ссылка на манифестъ подъ ст. 557, гдѣ ссылка поясняетъ слова „въ теченіе закономъ опредѣленнаго времени“.

Ссылка на манифестъ подъ ст. 565 основательна лишь въ той мѣрѣ, въ какой въ дѣйствующемъ законѣ говорится о *десятилѣтнемъ* срокѣ; но манифестъ вовсе не могъ послужить основаніемъ для всего текста закона: „Обиціи срокъ земской давности какъ въ недвижимыхъ, такъ и въ движимыхъ имуществвахъ, полагается десятилѣтній“.

Итакъ, ссылки на манифестъ, сдѣланныя подъ статьями, говорящими о приобрѣтательной давности, оказываются случайными, не оправдывающими матеріальнаго содержанія приведенныхъ статей.

Совсѣмъ иное отношеніе наблюдается между статьями 692, 694 прил., прим. 1 ч. 1 т. X Свод. зак. и манифестомъ 28 іюня 1787 г., который показанъ въ качествѣ одного изъ источниковъ сихъ статей. Въ названныхъ статьяхъ встрѣчаются буквальные заимствованія изъ манифеста, по

заимствованія своеобразныя. Ст. 692, 694 помѣщены въ гл. 7 разд. II, кн. II ч. 1 т. X, гдѣ говорится о правѣ судебной защиты по имуществамъ.

Ст. 692 гласитъ: „Право отыскиванія тѣмъ и другимъ образомъ (дѣйствіемъ полиціи или судомъ) пресѣкается общео земскою десятилѣтнею давностію. Кто въ теченіе оной иска не предъявилъ, или, предъявивъ, хожденія въ присутственных мѣстахъ не имѣлъ, тотъ теряетъ свое право“. Ст. 694 повторяетъ то же: „Иски такъ же, какъ и тяжбы, ограничиваются общео земскою десятилѣтнею давностію. Кто въ теченіе оной иска не предъявилъ, или, предъявивъ, хожденія по опому въ присутственных мѣстахъ не имѣлъ, тотъ теряетъ свое право“.

Сравнивая обѣ эти статьи съ ихъ источникомъ, не трудно усмотрѣть, что онѣ отступаютъ отъ содержанія манифеста 28 іюня 1787 года. А именно: установленный манифестомъ десятилѣтній срокъ именуется въ приведенныхъ статьяхъ „общео земскою десятилѣтнею давностію“, и, что гораздо важнѣе, редація статей дѣйствующаго закона вызываетъ такія сомнѣнія, какія не могутъ имѣть мѣста относительно текста 4 п. манифеста. Говорится въ обѣихъ статьяхъ, что непредъявившій иска (тяжбы) или неимѣвшій хожденія по предъявленному иску теряетъ свое право. Спрашивается, какое право: матеріальное или только право на искъ? Сознано ли законодателемъ различіе между правомъ матеріальнымъ и процессуальнымъ, или же послѣдствія пропущенія десятилѣтняго срока представлялись безразличными, тождественными какъ въ области права матеріальнаго, такъ и процессуальнаго? Дать категорическій отвѣтъ на эти вопросы въ томъ или иномъ смыслѣ не представляется возможнымъ; но, примѣняя къ манифесту въ немъ же преподанныя правила толкованія, „по смыслу самихъ словъ“, съ полнымъ основаніемъ можно утверждать, что истечение десятилѣтняго срока оказываетъ уничтожающее дѣйствіе на искъ, возникшій, по не предъявленный, или предъявленный, но оставленный безъ хожденія. Поражается ли вмѣстѣ съ искомъ и матеріальное право, служащее основаніемъ иска, объ этомъ манифестъ

23 іюня 1787 года ничего не говоритъ. Если въ статьяхъ 692 и 694 говорится о потерѣ права, то придавать этому выраженію значеніе права матеріальнаго имѣется тѣмъ менѣе основаній, что ст. 1 приложенія къ примѣч. ст. 694 во второй своей части представляетъ буквальное заимствованіе изъ 4 п. манифеста, и въ ней говорится: „таковой *искъ уничтожается* и дѣло *предается забвенію*“.

Быть можетъ, однако, послѣдующіе законы, на которые сдѣланы ссылки подъ статьями 692 и 694, оправдываютъ редакцію этихъ статей и обязываютъ толковать выраженіе „тотъ теряетъ свое право“ въ смыслѣ потери матеріальнаго права?

Приведенные въ ссылкахъ подъ указанными статьями и подъ приложеніемъ къ ст. 694 указы, до обнародованія въ 1845 г. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 23 апрѣля ¹⁾, содержатъ въ себѣ частью рѣшенія спорныхъ дѣлъ, восходившихъ въ прежнемъ порядкѣ судопроизводства на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, частью распространяютъ правила 4 пункта манифеста 1787 г. и на тѣ области Имперіи, въ которыхъ дѣйствовали своеобразные законы о давности.

Въ 1808 году данъ былъ Именной указъ Сенату о невозстановленіи тяжбъ за пропущеніемъ десятилѣтней давности ²⁾. Поводомъ къ изданію указа послужилъ споръ между крестьянами Хотмыжскаго уѣзда Курской губерніи съ капитаномъ Захаровымъ о землѣ. Рѣшеніе по этому дѣлу состоялось еще въ 1789 году, а апелляціонная жалоба принесена была крестьянами 13 лѣтъ спустя. Именнымъ указомъ Сенату повелѣно рѣшеніе межевой канцеляріи оставить въ силѣ, и эта резолюція мотивируется тѣмъ, „что всякое прикосновеніе къ общимъ кореннымъ законамъ, каковы суть десятилѣтняя давность, пропущеніе апелляціонныхъ сроковъ и выданныя установленнымъ порядкомъ межевыя книги и планы, можетъ подать поводъ къ *размноженію тяжбъ и*

¹⁾ 2-е П. С. З. № 18952.

²⁾ 1-е П. С. З. 1808 г. сент. 22. № 23282.

тѣмъ поколебать собственность владѣній, законами окончательнаго утвержденныхъ“.

Законодатель твердо держится здѣсь взгляда, высказаннаго уже въ манифестѣ 1787 года, на истечение десятилѣтняго срока, какъ на моментъ, погашающій тяжбную претензію: давность должна устранять размноженіе тяжбъ, которыя могутъ колебать собственность владѣній, законами окончательнаго утвержденныхъ. За отвѣтчикомъ окончательно утверждено закономъ владѣніе („собственность владѣній“); а если бы оно не было утверждено,—то возможна ли была бы тяжба? Она была бы невозможна по истеченіи десятилѣтняго срока, и была бы возможна до истеченія этого срока,—если бы, конечно, собственность владѣній не была окончательно утверждена закономъ.

Разрушающая притязанія сила десятилѣтняго срока обнаруживается не только въ области частныхъ интересовъ, но и на своеобразныхъ интересахъ казны по вопросу о конфискаціи, какъ это явствуетъ изъ Высочайше утвержденного имѣнія Государственнаго Совѣта по тяжбѣ Сарачинскаго съ Глембоцкимъ ¹⁾. „При разсмотрѣніи сего дѣла возникъ вопросъ, подлежитъ ли означенное имѣніе конфискаціи? Вопросъ сей въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта большинствомъ голосовъ разрѣшенъ тѣмъ, что какъ со времени продажи означеннаго имѣнія Веліопольскихъ Глембоцкому и въ продолженіе тяжбы сего послѣдняго съ Сарачинскимъ казна болѣе 10 лѣтъ никакого съ своей стороны притязанія къ оному не имѣла, то и права къ конфискаціи имѣть не можетъ“.

Оба эти указа при всей общности выраженныхъ въ нихъ положеній имѣли однако сепаратный характеръ, какъ состоявшіеся по поводу конкретныхъ случаевъ. Въ 1823 году оцять по поводу конкретнаго случая Правительствующій Сенатъ издалъ указъ „о распространеніи указа 1808 г. сентября 22, послѣдовавшаго по межевому дѣлу о 10-лѣтней

---

¹⁾ 1-е П. С. З. 1817 г. сент. 3. № 27039. „О дѣйствии десятилѣтней давности на казенные искн“.

давности, на всѣ тяжбныя дѣла“ ¹⁾. „Правительствующей Сенатъ“ — говорится въ этомъ указѣ — „при разрѣшеніи дѣла Орловской губерніи города Ельца однодворцевъ о распро- данныхъ межевою канцеляріей земляхъ имѣль въ соображе- нии Высочайшій указъ 1808 г. сентября 22, въ которомъ изображено..... (далѣе цѣликомъ перепечатанъ указъ 1808 г. сентября 22). Приказали: какъ вышеизображенный Высочай- шій Его Императорскаго Величества 1808 г. сентября 22 указъ по дѣлу капитана Захарова, долженствующій служить кореннымъ постановленіемъ *по тяжбынымъ дѣламъ*, принять былъ въ тогдашнее время къ исполненію по межевому де- партаменту Правительствующаго Сената безъ опубликованія, то нынѣ о должномъ по сему Высочайшему указу испол- неніи предписать указами всѣмъ губернскимъ правленіямъ и правительствамъ....“

Итакъ подтверждается, что законъ о давности есть ко- ренное постановленіе по тяжбынымъ дѣламъ. Новое подтвер- жденіе такого взгляда на значеніе давности даетъ состояв- шійся въ томъ же 1823 году Именной указъ Сенату о рас- пространеніи давности *на судебныя иски* въ области Бес- сарабской ²⁾. Сроки давности исковой по Шестикнижью Арменопула были весьма разнообразны ³⁾, что, разумѣется, дѣлало возможными безконечныя иски. „Желая положить пре- граду“ — говорится въ указѣ — „непрестанному возобновленію въ области Бессарабской *тяжбыныхъ дѣлъ*, происходящихъ отъ неясности узаконеній сего края о давности, и противныхъ какъ пользамъ частнымъ, такъ и благосостоянію общему, повелѣваемъ, при разсмотрѣннн *спорныхъ и иныхъ судныхъ дѣлъ* по области Бессарабской, сообразоваться въ точности

---

¹⁾ 1-е П. С. З. 1823 г. февр. 16, № 29315.

²⁾ 1-е П. С. З. 1823 г. мая 28. № 29486.

³⁾ Въ Шестикнижнн (печатано при Сенатской Типографіи въ 1831 г. съ из- данія, печатаннаго въ Венеціи въ 1766 г.) вопросамъ о давности посвященъ ти- тулъ III книги I „объ искахъ и времени“; въ 18 подраздѣленіяхъ этого титула разсматриваются различныя иски, по лицамъ и предметамъ, и устанавливаются неодинаковыя сроки давности—10-лѣтняя, 20, 30 и 40-лѣтняя, опредѣляется ис- численіе давности для несовершеннолѣтнихъ и т. д.

съ положеніями 4 пункта манифеста 28 іюня 1787 года, и, признавая недѣйствительнымъ всякое предъявленіе права на собственность, въ стороннемъ владѣніи состоящую, буде въ теченіе 10 лѣтъ не было учинено на оную иска, считать такое десятилѣтіе для несовершеннолѣтнихъ со времени ихъ совершеннолѣтія“.

Примѣненіе 10-лѣтней давности встрѣчало на практикѣ препятствія, вслѣдствіе чего въ томъ же 1823 г. Сенатъ снова подтверждаетъ „о точномъ наблюденіи 10-лѣтней давности“ ¹⁾. Рассмотрѣвъ дѣло объ отмежеваніи въ казенное вѣдомство земли изъ дачи статскаго совѣтника Полочанинова, „Государственный Совѣтъ находитъ рѣшеніе Правительствующаго Сената по сему дѣлу правильнымъ, какъ основанное, сверхъ другихъ причинъ, въ докладѣ приводимыхъ, въ особенности на манифестѣ 1787 года іюня 28, въ 4 пунктѣ коего сказано.... (приведенъ *in extenso* п. 4). вмѣстѣ съ симъ Государственный Совѣтъ, приѣмля во вниманіе различныя неудобства отъ того происходящія, что правило 10-лѣтней давности, манифестомъ 1787 года утвержденное и столь для общаго благоустройства необходимое, бываетъ иногда упускаемо изъ вида присутственными мѣстами, отъ чего рождаются несправедливыя проволочки въ производствѣ дѣлъ и нарушается не только спокойствіе, но и самое право собственности владѣльцевъ, почитаетъ весьма нужнымъ и полезнымъ вновь подтвердить о сохраненіи силы сего манифеста, точное исполненіе коего съ одной стороны, оградить законныя права владѣльцевъ, съ другой же самыя присутственныя мѣста и Верховныя Судилища избавить отъ различныхъ неправильно начинаемыхъ и продолжаемыхъ дѣлъ. Посему Государственный Совѣтъ полагаетъ: предоставить Правительствующему Сенату подтвердить кому слѣдуетъ о точномъ и неукоснительномъ наблюденіи правила 10-лѣтней давности, 4 пунктомъ Всемилостивѣйшаго Манифеста 28 іюня 1787 года постановленнаго, съ тѣмъ, чтобы дѣла, закономъ отъ правила 10-

---

¹⁾ 1-е II. С. З. 1823 г. августа 31. № 29601. Сенатскій, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта.

лѣтней давности именпо неизъятыя, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не были рѣшаемы вопреки 4-му пункту означеннаго манифеста“.

Какъ ни энергично настаивалъ законодатель на неукоснительномъ примѣненіи 10-лѣтняго срока ¹⁾, однако существовавшіе по мѣстамъ болѣе продолжительныя сроки приходили въ неизбѣжную коллизію съ 10-лѣтнимъ срокомъ. Этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ въ 1827 году ²⁾, хотя и въ духѣ манифеста 1787 года, но съ нѣкоторыми отъ него отступленіями; на это рѣшеніе въ Сводѣ законовъ изд. 1832 г. еще нѣтъ ссылокъ.

Вотъ весь тотъ законодательный матеріалъ, на основаніи котораго формулированы были въ X т. Свода законовъ изд. 1832 г. статьи 390 и 392 (соотвѣтствующія дословно ст. 692 и 694 ч. 1 т. X изд. 1857 и 1887 гг.). Разсмотрѣніе этого матеріала приводитъ къ заключенію, что редація статей 390 и 392 (692, 694 изд. 1887 г.) не соотвѣтствуетъ источникамъ, на которыхъ эти статьи основаны, и что сомнѣнія, возбуждаемая при толкованіи словъ „тотъ теряетъ свое право“, должны быть разрѣшены въ томъ смыслѣ, что законъ имѣетъ здѣсь въ виду право процессуальное, а не матеріальное, о судьбѣ же матеріальнаго права законъ ничего не говоритъ.

Лежащій въ основаніи всѣхъ приведенныхъ законодательныхъ актовъ 4 пунктъ манифеста 1787 года пресѣкаетъ возможность возбужденія, по истеченіи 10 лѣтъ, тяжбы и иска. Неоднократныя подтвержденія примѣнимости манифеста даютъ полное основаніе утверждать, что подъ „потерею права“ какъ въ изданіи 1832, такъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ Свода, воспроизводящихъ ст. 390 и 392 безъ всякихъ измѣненій, можно понимать только потерю права на искъ, что далеко не равносильно потерѣ того права, изъ котораго искъ возникаетъ.

---

¹⁾ 1-е П. С. З. 1824 г. февр. 10. № 29772. Высочайше утверж. мнѣніе Государственнаго Совѣта о генер. межеваніи въ Пермской губерніи, ст. 8.

²⁾ 2-е П. С. З. 1827 г. апрѣля 2. № 1007.

II.

Послѣдующія наслоенія законодательства, отлагающіяся въ изданіяхъ 1842, 1857 и 1887 годовъ, не опровергають, а подтверждаютъ сдѣланный выше выводъ.

Въ 1827 году состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о распространеніи на Грузію 10-лѣтней давности, установленной 4 пунктомъ манифеста 1787 года. „Государственный Совѣтъ полагаетъ: 1) силу грузинскихъ законовъ на 40 и 30-лѣтнюю давность оставить въ тамошнемъ краю только по дѣламъ прошедшаго времени, т. е. до состоянія сего закона, съ тѣмъ, чтобы всякій считающій что либо принадлежащимъ ему изъ имущества движимаго или недвижимаго, пахотнаго въ стороннемъ владѣніи, какъ то: частномъ, церковномъ или казенномъ, предъявилъ искъ свой: пребывающій въ Грузіи въ теченіе одного года, а внѣ оной въ теченіе двухъ лѣтъ съ опубликованія сего постановленія, и тогда по симъ предъявленнымъ искамъ дѣла производить на основаніи грузинскихъ законовъ о 40- и 30-лѣтней давности. 2) Сей годовой и двух-годовой сроки для несовершеннолѣтнихъ назначить со времени пришествія ихъ въ совершенный возрастъ. 3) По прошествіи сихъ сроковъ на предъявленіе исковъ по дѣламъ прошедшихъ временъ принять въ руководство вообще по всемъ дѣламъ спорнымъ давность 10-лѣтнюю, установленную 4 п. Высочайшаго манифеста 28 іюня 1787 года и распространенную уже указомъ 28 мая 1823 г. на Бессарабскую область, и 4) дѣйствіе сего новаго законоположенія опредѣлить со дня опубликованія его въ Грузіи“.

Несмотря на твердую послѣдовательность законодателя въ дѣлѣ распространенія давности на все части Имперіи ¹⁾, въ мѣстностяхъ, привыкшихъ къ болѣе продолжительнымъ

---

¹⁾ Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ Сенатскій указъ 21 іюня 1815 года (1 Полн. Собр. Зак. № 25883) „О земской давности по дѣламъ гражданскимъ въ губерніяхъ, на особыхъ правахъ состоящихъ“. Указъ этотъ не показанъ среди источниковъ статей X т. изд. 1832 г.

срокамъ давности, замѣтно желаніе сохранить туземные сроки; но подобныя желанія разбиваются о непреклонную твердость правительства. Такъ, въ 1835 году состоялся Синодскій указъ по Высочайшему повелѣнію „О распространеніи 10-лѣтней давности на дѣла о церковной собственности въ Имеретіи ¹⁾. Поводомъ къ изданію этого указа послужило ходатайство экзарха Грузіи Іоны о Высочайшемъ соизволеніи на „нераспространеніе закона о 10-лѣтней давности по дѣламъ о церковныхъ крестьянахъ и имѣніяхъ въ Имеретіи, частными людьми владѣемых“. Ходатайство экзарха повелѣно было передать въ Государственный Совѣтъ, который принялъ во вниманіе: „1) что общій коренной законъ о 10-лѣтней давности есть постановленіе, охраняющее неприкосновенность владѣнія каждаго; что оный распространень не токмо на всѣ области, въ Россійскомъ владѣніи находящіяся, и на всѣ дѣла, въ оныхъ производящіяся, но и собственно на Грузію, при чемъ въ Высочайше утвержденномъ мѣстѣ Государственнаго Совѣта 1827 г. апрѣля 2 сказано (здѣсь перепечатанъ приведенный выше законъ); 2) что если допустить нынѣ изыятіе изъ сего закона единственно для имѣній церковныхъ въ Имеретіи, то сіе подало бы поводъ къ возрожденію новыхъ, безконечныхъ споровъ и притязаній къ такимъ недвижимымъ имѣніямъ, коихъ спокойное владѣніе утверждалось общими для всѣхъ законами и на основаніи коихъ имѣнія сіи отъ первыхъ владѣльцевъ могли перейти уже по наслѣдству, куплѣ и продажѣ въ разныя стороннія руки“. По симъ уваженіямъ Государственный Совѣтъ положилъ: 10-лѣтнюю давность оставить въ силѣ въ Имеретіи.

Вопроса о давности въ Закавказскомъ краѣ законодателю пришлось коснуться впоследствии еще трижды, по поводу замѣны постановленій уложенія Царя Вахтанга общими законами Имперіи, въ 1859 и въ 1870 годахъ ²⁾, и еще ранѣе, въ 1846 году, по поводу распространенія закона о

---

¹⁾ 2 Поли. Собр. Зак. 1835 г. февраля 28, № 7912.

²⁾ 2 Поли. Собр. Зак. 1859 г. октября 20, 34980; 1870 г. ноября 23, № 48943

10-лѣтней давности на подвѣдомственныя гражданскому управленію части Закавказскаго края ¹⁾.

Ко времени изданія Свода законовъ 1857 года по вопросамъ о давности въ высшихъ правительственныхъ установленіяхъ сложилась уже прочная практика. Въ 1845 г. издано было Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „О силѣ и дѣйствиіи земской давности“ ²⁾. Государственный Совѣтъ разсмотрѣлъ цѣлый рядъ представленныхъ на разрѣшеніе его частныхъ о давности вопросовъ, изъ коихъ нѣкоторые были разрѣшены на точномъ основаніи дѣйствовавшихъ законовъ, тогда какъ рѣшенія другихъ легли въ основаніе соотвѣтствующихъ статей 1 ч. X т. изд. 1857 года. Слѣдующіе вопросы подлежали разрѣшенію Государственнаго Совѣта:

1) объ исчисленіи давности по спорамъ о законности рожденія: вопросъ разрѣшается статьями 122 и 2237 Свод. зак. гражд. (изд. 1842 г.) ³⁾;

2) объ исчисленіи давности при переходѣ правъ собственности отъ одного лица къ другому, и въ особенности, когда сіе послѣднее будетъ малолѣтнимъ ⁴⁾;

3) о давности по дѣламъ умалишенныхъ и глухонѣмыхъ ⁵⁾;

4) о давности по завладѣнію казенныхъ земель и угодій ⁶⁾;

5) о силѣ и дѣйствиіи давности въ отношеніи межевыхъ актовъ ⁷⁾;

6) о дѣйствиіи общаго срока давности по дѣламъ, возникшимъ въ Бессарабской области, до введенія туда сего срока;

7) о давности по дѣламъ, остающимся безъ производства въ судебныхъ мѣстахъ,—вопросъ разрѣшается ст. 2232 ⁸⁾;

---

¹⁾ 2 Полн. Собр. Зак. 1846 г. апрѣля 30, № 19992, Сенатскій, по Высочайшему повелѣнію.

²⁾ 2 Полн. Собр. Зак. 1845 г. апрѣля 23, № 18952.

³⁾ Уст. гражд. суд., ст. 1346—1356.

⁴⁾ По изданію 1887 г. 1 п. 2 ст. прил. 694 (прим.).

⁵⁾ По изд. 1887 г. 2 п. 2 ст. прил. 694 (прим.).

⁶⁾ Ст. 560 ч. 1 т. У изд. 1887 г.

⁷⁾ Ст. 563 ч. 1 т. X изд. 1887 г.

⁸⁾ Ст. 213, 214 ч. 2 т. X изд. 1857 г.

- 8) о давности для рѣшеній судебныхъ мѣстъ ¹⁾;
- 9) о давности для признанія имѣнія выморочнымъ ²⁾;
- 10) о давности въ отношеніи къ имуществу, находящемуся въ управленіи одного изъ соучастниковъ ³⁾;
- 11) о давности по обязательствамъ, даннымъ русскими во время пребыванія ихъ за границею ⁴⁾;
- 12) о давности по срочнымъ обязательствамъ и договорамъ ⁵⁾;
- 13) о давности въ отношеніи имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ ⁶⁾;
- 14) о давности по неисполненнымъ купчимъ, — разрѣшается ст. 2232 изд. 1842 г. ⁷⁾;
- 15) о примѣненіи давности къ 10-лѣтнему владѣнію, которое продолжалось непрерывно. „Признавая, что пропусченіемъ срока давности должно быть почитаемо лишь промолчаніе вотчинника о правѣ своемъ въ теченіе 10 лѣтъ сряду, когда имущество во все то время не состояло въ его владѣніи, Государственный Совѣтъ нашель, что вопросъ сей не требуетъ особаго разрѣшенія“;
- 16) о давности по искамъ о бѣглыхъ. Хотя вопросъ этотъ и разрѣшается ст. 956 Свода зак. о сост., „однако Государственный Совѣтъ призналъ неизлишнимъ сообразно тому сдѣлать дополненіе къ ст. 478 Свод. зак. гражд., сказавъ въ ономъ, что дѣйствіе 10-лѣтней давности не распространяется на бѣглыхъ людей, буде только о побѣгѣ ихъ поданы были въ узаконенное время явочныя прошенія“;
- 17) о давности на представленіе къ зачету рекрутскихъ квитанцій—разрѣшается ст. 442 Св. рек. уст.;
- 18) о давности по дѣламъ о недвижимомъ имѣніи, для находящихся за границею по службѣ ⁸⁾.

¹⁾ Ст. 224, ч 2 т. X изд. 1857 г. ст. 6 прил. 694 (прим.) ч. 1 т. X изд. 1887 г.

²⁾ Ст. 1162, 1164 ч. 1 т. X изд. 1887 г.

³⁾ Ст. 1242 ч. 1 т. X изд. 1887 г.

⁴⁾ Ст. 1549¹ изд. 1887 г.

⁵⁾ Ст. 1550 ч. 1 т. X изд. 1887 г.

⁶⁾ Ст. 3 прил. ст. 694 (прим.) изд. 1887 г.

⁷⁾ Соответствуетъ ст: 213 и 214 ч. 2 т. X изд. 1857 г.

⁸⁾ Ст. 4 прил. 694 ст. изд. 1887 г.

Приведенные „частные о давности вопросы“ вошли въ дѣйствующее законодательство.

Общую оцѣнку всего предшествующаго хода законодательства о давности Государственный Совѣтъ далъ въ своемъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи „о распространеніи общаго закона о десятилѣтней давности на дѣла Нахичеванскихъ (на Дону) армянъ, подлежащія дѣйствию особенныхъ законовъ, тѣмъ армянамъ присвоенныхъ“ ¹⁾. Нахичеванскимъ армянамъ, на основаніи Высочайше дарованнаго въ 1779 году преимущества, предоставлено было руководствоваться армянскимъ судебникомъ, въ которомъ однако не имѣется закона, опредѣляющаго срокъ для начатія тяжбъ и исковъ. Десятилѣтняя давность распространена уже на Бессарабію, Грузію, Закавказскій край. „Сверхъ того, и въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ существовали по особымъ правамъ ихъ разнообразныя сроки давности отъ 10 до 60 лѣтъ, указомъ Правительствующаго Сената, отъ 21 іюня 1815 года (25883), введенъ общій 10-лѣтній срокъ, при чемъ изъяснено, что и тѣ случаи, на которые по особымъ правамъ тѣхъ губерній никакая давность не распространялась, должны на будущее время подвергаться дѣйствию общаго десятилѣтняго срока. По симъ соображеніямъ, имѣя въ виду, что положеніе о десятилѣтней давности, въ видѣ общаго государственнаго узаконенія, постепенно распространено на всѣ области Россійской Имперіи, какъ не подверженныя вполнѣ дѣйствию общихъ законовъ, такъ и на тѣ, въ коихъ сохранилось еще дѣйствіе мѣстныхъ законовъ, Правительствующій Сенатъ въ общемъ Московскихъ департаментовъ собраніи признаетъ справедливымъ распространить на будущее время дѣйствіе 10-лѣтней земской давности и на дѣла Нахичеванскихъ армянъ, не имѣющихъ въ своемъ судебникѣ точнаго постановленія по сему предмету“. Опредѣленіе Сената внесено было Министромъ Юстиціи въ Государственный Совѣтъ, который „мнѣніемъ положилъ: 1) общій законъ о десятилѣтней давности со всѣми поясненіями и дополненіями, послѣдовавшими въ 1845 году, распространить на тѣ дѣла Нахи-

¹⁾ 2 Полн. Собр. Зак. 1857 г. мая 13, № 31828.

чеванскихъ армянъ, кои по существующему порядку подлежатъ дѣйствию особенныхъ законовъ, тѣмъ армянамъ присвоенныхъ; 2) по дѣламъ, уже начатымъ производствомъ въ настоящее время, равно какъ и по тѣмъ, которыя возникнутъ послѣ сего, исчислять полный срокъ десятилѣтней давности со времени обнародованія сего постановленія на мѣстѣ; 3) правила сіи распространить какъ на споры частныхъ лицъ между собою, такъ и на тѣ дѣла, въ коихъ принимаетъ участіе казна, и 4) не распространять новаго постановленія на дѣла, окончательно рѣшенныя до обнародованія онаго“.

Обозрѣвая законодательные акты, касающіеся вопроса о давности, нельзя не замѣтить, что изданные, разновремено послѣ манифеста 1787 года, законы не прибавляютъ ничего къ матеріальному содержанію этого манифеста (4 пункта).

За исключеніемъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Госуд. Совѣта 1845 года, гдѣ, какъ показано, рассматриваются частные вопросы, называемые примѣненіемъ давности, всѣ остальные законодательные акты имѣютъ свою цѣлью распространить общій, основной и коренной законъ о давности на отдѣльныя части территоріи Имперіи. Для присоединенныхъ областей распространеніе закона о давности 1787 г. іюня 28 означало лишь измѣненіе дѣйствовавшихъ здѣсь правилъ о давности, — отмѣну всѣхъ продолжительныхъ сроковъ и замѣну ихъ общимъ срокомъ 10 лѣтъ; на территоріи дѣйствія уложенія и послѣдующихъ указовъ манифестъ создавалъ нѣчто совсѣмъ новое: „о недвижимомъ или движимомъ имѣніи, кто не учинилъ или не учинитъ иска 10 лѣтъ, или, предъявивъ оный, 10 лѣтъ по оному не будетъ имѣть хожденія, таковой искъ да уничтожится, а дѣло да предастся вѣчному забвенію“; притомъ этотъ десятилѣтній срокъ распространяется одинаково какъ на дѣла между частными лицами, такъ и на дѣла частныхъ лицъ съ казною. Толкуя текстъ 4 п. манифеста, какъ въ немъ и предписано, по самымъ его словамъ, возможно прійти къ одному только выводу: имущественные иски уничтожаются неучиненіемъ ихъ или нехожденіемъ по нимъ въ теченіе 10 лѣтъ. Какъ ни простъ этотъ выводъ, онъ требуетъ,

однако, ближайшаго изслѣдованія и уясненія всѣхъ вытекающихъ изъ этой формулы послѣдствій.

I. Десятилѣтній срокъ оказываетъ разрушительное вліяніе на *искъ*.

Въ виду того, что Сводъ законовъ различаетъ тяжбы и иски, не будетъ неумѣстнымъ остановиться на вопросѣ, примѣняется ли давность только къ искамъ, или же примѣненіе ея распространяется и на тяжбы?

Ст. 1591 ч. 1 т. X Свод. зак., изд. 1832 г., указываетъ, что судопроизводство есть или вотчинное или исковое; въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ перечисляются споры, принадлежащія къ вотчинному производству (ст. 1592) и принадлежащія къ производству исковому (ст. 1593). Изъ перечня споровъ въ этихъ статьяхъ и изъ редакціоннаго примѣчанія ¹⁾ къ ст. 1593 обнаруживается, что судопроизводство вотчинное обнимаетъ, въ современномъ смыслѣ слова, вещныя иски, а судопроизводство исковое — иски личные; первые иски именуется тяжбами, а вторые — исками ²⁾. Терминологія, какъ видно, не отличалась устойчивостью и во время изданія Свода; но точность названій и не имѣетъ здѣсь значенія, разъ что въ самомъ законѣ указаны руководящія признаки для разграниченія категорій возможныхъ споровъ. На всѣ дѣла гражданскія (будутъ ли то въ техническомъ смыслѣ тяжбы, или иски) распространяется давность, значитъ и нѣтъ основанія приурочивать силу 4 пункта манифеста 1787 года только къ спорамъ по неисполненнымъ договорамъ и обязательствамъ и къ спорамъ по взысканіямъ за нарушеніе правъ обидами, ущербами, убытками и самоуправнымъ завладѣніемъ.

---

¹⁾ „Хотя тотъ и другой родъ споровъ въ судахъ именуется смѣшанно тяжбами и исками и не всегда въ названіяхъ ихъ даже въ законахъ съ точностью различаются, но по уложенію *ищутся ищцовые иски* всегда на какомъ-либо (улож. гл. X, ст. 151, 154, 158 и пр.), а объ имуществахъ производится *тяжба* (улож. гл. XX, ст. 94, 96, 118 и пр.). Впрочемъ, спорящія стороны въ тяжбѣ и искѣ равно именуется *тяжущимися*“.

²⁾ Въ изданіи 1857 г. ч. 2 т. X статей, соответствующихъ ст. 1591, 1592; 1593, изд. 1832 г., не имѣется, но „тяжбы“ и „иски“ различаются — ст. 202 и сл., въ Свод. зак. гражд. и по изд. 1887 г., къ имуществамъ паличнымъ причисляются тяжбы (417), а къ составу долговыхъ иски (419).

„Таковой *искъ* да уничтожится“ относится въ манифестѣ ко всякаго рода искамъ, въ теоретическомъ смыслѣ сего слова.

II. Давность *уничтожаетъ* искъ. Въ силу истечения 10-лѣтняго срока претензія, до этого срока возникшая, но не оглашенная такъ, какъ она должна была быть оглашена, т. е. подачею въ судебное мѣсто прошенія, уже не можетъ заслуживать уваженія; равнымъ образомъ, не можетъ быть признана уважительною и такая претензія, которая хотя и оглашена надлежащимъ порядкомъ, но затѣмъ, въ теченіе 10 лѣтъ, оставлена безъ хожденія. Уничтожается давностью искъ, т. е. притязаніе, облеченное уже въ форму исковаго прошенія, поданнаго въ судебное мѣсто. Не въ интересахъ истца, разумѣется, говорить о давности предъявленной въ судъ претензіи, и, наоборотъ, въ интересахъ отвѣтчика сослаться на 10-лѣтній срокъ, разрушающій притязаніе истца и дѣлающій невозможнымъ самое разсмотрѣніе дѣла,—давность прежде всего будетъ примѣнена на основаніи доказаннаго возраженія отвѣтчика; но этого мало: самъ судъ, и независимо отъ возраженія со стороны отвѣтчика, долженъ изслѣдовать, не истекла ли для заявленной истцомъ претензіи десятилѣтняя давность; судья *ex officio* обязанъ возбудить вопросъ о давности,—что подтверждается Сенатскимъ указомъ отъ 31 августа 1823 г. „о точномъ наблюденіи 10-лѣтней давности“, гдѣ Сенатъ, категорически предписывая, чтобы дѣла, отъ правила 10-лѣтней давности именно не изъятія, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не были рѣшаемы вопреки 4-му пункту манифеста, приводитъ мнѣніе Государственнаго Совѣта о томъ, что точное исполненіе манифеста, съ одной стороны, оградить законныя права владѣльцевъ, а, съ другой, сами присутственныя мѣста и верховныя судища избавить отъ различныхъ неправильно начинаемыхъ и продолжаемыхъ дѣлъ. Очевидно, что каждое дѣло, прежде чѣмъ быть разсмотрѣно по существу,—потому что только по такомъ разсмотрѣніи возможно рѣшить, правильно или нѣтъ предъявленъ искъ,—должно прежде всего остановить на себѣ вниманіе судьи по вопросу о томъ, не покрывается ли претензія истца давностью?

III. Разрушительное вліяніе давности оказываетъ на *всякое* дѣло гражданское, на всякій искъ, каковы бы ни были стороны—между частными лицами, между частными лицами и казною. Манифестъ не знаетъ исключеній изъ этого общаго правила о поганаемости исковъ давностнымъ срокомъ. Манифестъ не устанавливаетъ изъятій въ пользу какихъ бы то ни было лицъ,—каждый можетъ защищаться давностью, и противъ каждаго дѣйствительна такая защита: нѣтъ субъектовъ, которые пользовались бы *privilegium favorabile* въ томъ ли смыслѣ, чтобы противъ нихъ не имѣло силы возраженіе о давности, или въ томъ смыслѣ, чтобы давность противъ нихъ была бы продолжительнѣе, чѣмъ давность противъ другихъ; нѣтъ и для противной стороны *privilegium odiosum*, въ силу чего какое-либо лицо не могло бы пользоваться возраженіемъ о давности. Въ такомъ смыслѣ понимался 4 п. манифеста и законодателемъ, и тѣми лицами, интересовъ которыхъ, въ отрицательномъ смыслѣ, касался законъ: экзархъ Грузіи ходатайствовалъ о нераспространеніи закона о давности на иски подвѣдомственной ему епархіи, но на это ходатайство послѣдовалъ энергичный отвѣтъ законодателя: общій коренной законъ о 10-лѣтней давности есть постановленіе, охраняющее неприкосновенность владѣнія *каждаго*; допущеніе изъятія въ пользу церковныхъ имѣній въ Имеретіи подало бы поводъ къ возрожденію новыхъ безконечныхъ споровъ и притязаній къ такимъ недвижимымъ имѣніямъ, коихъ спокойное владѣніе утверждалось общими для всѣхъ законами; поэтому 10-лѣтняя давность во всей своей неприкосновенности должна быть оставлена въ силѣ въ Имеретіи. Впослѣдствіи, уже въ 1845 году, создана привилегія для малолѣтнихъ, умалишенныхъ и глухонѣмыхъ въ смыслѣ особаго порядка исчисленія противопологаемой ихъ искамъ давности.

IV. Разрушительное вліяніе на искъ оказываетъ только *десятилѣтняя* давность; этотъ давностный срокъ хорошо извѣстенъ Литовскому Статуту ¹⁾ (гдѣ даны и правила объ

¹⁾ Разд. 3 арт. 45 § 3; разд. 4 арт. 35; разд. 6 арт. 11 § 2 и 3; разд. 3 арт. 45 § 1, 2, 3. Разд. 4 арт. 91 § 1, 2, 3; разд. 5 арт. 4 § 1 и 2; разд. 9 арт. 21 § 2; разд. 7 арт. 2 и пр.

исчисленіи давностнаго срока для малолѣтнихъ); по Литовскому Статуту извѣстны и другіе менѣе продолжительные сроки давности. Напротивъ, болѣе продолжительные сроки извѣстны были законодательнымъ источникамъ Прибалтійскаго края, Бессарабіи и Закавказья. Законодатель постепенно распространилъ на все области Имперіи одинъ давностный срокъ— 10 лѣтъ. Въ губерніяхъ, на особыхъ правахъ состоящихъ, какъ то: Витебской, Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской, Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской,— давность *земская* (такъ впервые называется давность десятилѣтняя въ нашихъ законахъ въ 1815 году) существовала по древнимъ ихъ правамъ и узаконеніямъ на все иски гражданскіе вообще, отъ одного года до десяти, отъ десяти до двадцати, тридцати и шестидесяти лѣтъ; на дѣла же по заставамъ или закладамъ имѣній, также по долгамъ облиговымъ, объ отысканіи бѣглыхъ крестьянъ и т. п., описанныя въ тѣхъ правахъ и узаконеніяхъ, давности положено не было. Но губерніи: Витебская, Могилевская, Черниговская, Полтавская, Лифляндская, Эстляндская и губернскій городъ Кіевъ съ уѣздами во время изданія манифеста 1787 года уже состояли подъ державою Всероссійскаго Престола, почему давность „яко общее государственное узаконеніе“ и была распространена на эти губерніи въ моментъ изданія манифеста; на присоединенныя же послѣ манифеста территоріи давность была распространена по Именному Высочайшему указу 26 января 1799 года и по опредѣленію Сената отъ 27 февраля 1805 года (для Курляндіи). Новый общій законъ о давности шель въ разрѣзъ съ прочимъ матеріальнымъ и процессуальнымъ правомъ губерній, на особыхъ правахъ состоявшихъ, вслѣдствіе чего при примѣненіи повеллы о давности въ присутственныхъ мѣстахъ возникали недоразумѣнія. Въ устраненіе этихъ недоразумѣній Государственный Совѣтъ преподалъ рядъ правилъ, считаясь съ дѣйствующими мѣстными узаконеніями. Принято, во-первыхъ, въ соображеніе, что по мѣстнымъ законамъ давность объ-емлетъ не все дѣла гражданскія, и дѣла, давностью по мѣст-

нымъ законамъ не объята, не подлежатъ и дѣйствию общей 10-лѣтней давности; во-вторыхъ, среди дѣлъ, подлежащихъ давности, къ пѣкоторымъ примѣняется давность отъ 1 до 10 лѣтъ, къ другимъ болѣе продолжительная—20, 30 и 60 лѣтъ; давностные сроки послѣдней категоріи вовсе отмѣнены—пѣтъ давности, превышающей 10 лѣтъ; напротивъ, менѣе продолжительные сроки остаются въ силѣ, такъ что кратчайшіе 10 лѣтъ не замѣняются общимъ срокомъ; наконецъ, всѣ случаи, относительно коихъ въ мѣстныхъ законахъ пѣтъ точнаго положенія о томъ, чтобы къ нимъ примѣнялась болѣе или менѣе краткая давность, или что на нихъ никакая давность не распространяется, должны подлежать дѣйствию общей десятилѣтней давности манифеста 1787 года. Разумъ манифеста заключается въ томъ: „во-первыхъ, кто не искалъ 10 лѣтъ или, начавъ искъ, промолчалъ такое-жъ время, таковой потерялъ право свое на тотъ искъ навсегда. Во-вторыхъ: равномѣрно теряется оное и на грядущее время, ежели кто пропуститъ 10 лѣтъ отъ случая, когда искъ долженъ быть начатъ“.

Содержаніе приведеннаго Сенатскаго указа ¹⁾, состоявшагося въ силу мнѣнія Государственнаго Совѣта, имѣетъ двоякую цѣльность: распространеніе силы 4 п. манифеста 1787 года на области съ сравнительно разработаннымъ гражданскимъ правомъ даетъ возможность опредѣлить ближайшимъ образомъ, на какого рода правоотношенія рассчитанъ былъ десятилѣтній срокъ и въ какомъ порядкѣ осуществлялось примѣненіе этого срока, а вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда, изъ сопоставленія вліянія десятилѣтняго срока на правоотношенія въ западныхъ присоединенныхъ къ Имперіи территоріяхъ съ краткой формулировкой 4-го пункта манифеста 1787 года, возможно вывести новое подтвержденіе того, что 10-лѣтнимъ срокомъ, по мысли законодателя, погашается только право на искъ, что такимъ образомъ редакція статей 692 и 694 ч. 1 т. X (изд. 1887 г.) не соотвѣтствуетъ приведен-

---

¹⁾ I П. С. З. № 25883. Сенатскій ук., по мнѣнію Государственнаго Совѣта 21 іюня 1815 г.

нымъ подъ этими статьями источникамъ, въ которыхъ открывается истинная воля законодателя.

Но, быть можетъ, съ точки зрѣнія законодателя, разрушительное вліяніе давности на искъ представляется равносильнымъ уничтоженію самого права матеріальнаго, благодаря чему было бы совершенно безразлично, употребить ли выраженіе „тотъ теряетъ свой искъ“, или же сказать „тотъ теряетъ свое право“? Приведенные выше законодательные источники показываютъ, что безусловно во всѣхъ случаяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о давности, законодатель имѣетъ въ виду всегда и вездѣ разрушительное вліяніе десятилѣтняго срока на искъ, и нигдѣ не говоритъ о какомъ-либо иномъ вліяніи давности, нигдѣ не постановляетъ, что потерявшій право на искъ потерялъ и свое право.

Искъ съ формальной стороны представляетъ собой судебный способъ возстановленія нарушеннаго права, со стороны же матеріальной искъ есть присущая всякому матеріальному гражданскому праву способность, сила, приводящая нарушенное право въ его первоначальное, т. е. до момента нарушенія, положеніе. Для того, чтобы искъ возникъ (*actio nata est*), необходимо стеченіе такихъ условій, которыя заставили бы исковую силу матеріальнаго права выйти изъ ея покоящагося, связаннаго состоянія. Условія эти на лицо, когда матеріальное право даннаго субъекта подвергается отрицанію со стороны другого субъекта, когда это отрицаніе принимаетъ характеръ факта, ограничивающаго или же вовсе устраняющаго соотвѣтствіе между титуломъ и довлѣющей ему реальной обстановкой. Несоотвѣтствіе это, по роду исковъ, не всегда одинаково, да и установлено можетъ быть не одними и тѣми же субъектами. Здѣсь получаетъ полное свое значеніе раздѣленіе исковъ на личные и вещные, на иски и тяжбы въ техническомъ смыслѣ терминологіи Свода законовъ. Искъ личный возникаетъ въ томъ случаѣ, когда личное право, право противъ лица, право требованія подвергается отрицанію или ограниченію. Такое отрицаніе матеріальнаго личнаго права можетъ имѣть мѣсто только со стороны того субъекта, который, по тому или иному основанію,

обязанъ исполнить нѣчто въ пользу лица, имѣющаго право требованія. Принадлежащее данному лицу право требованія еще не есть искъ; изъ права требованія выдѣлится искъ, когда требованіе, само по себѣ способное къ осуществленію противною стороною, этою послѣднею исполнено не будетъ соответствующимъ закономѣрному требованію способомъ. Слѣдовательно, личный искъ возникаетъ не въ моментъ возникновенія матеріальнаго права требованія, а въ моментъ отрицанія матеріальнаго права. Поэтому личные права, ограниченные срокомъ, способны выдѣлится изъ себя присущую имъ исковую силу только по наступленіи срока, и установленная закономъ давность по такимъ искамъ будетъ считаться не со времени возникновенія матеріальнаго права требованія, а со времени наступленія срока. Личное право существуетъ, такимъ образомъ, въ теченіе періода, установленнаго его основаніемъ *plus* десятилѣтній срокъ, а по истеченіи этого послѣдняго срока, при условіи непредъявленія иска или нехожденія по предъявленному, уничтожается искъ, уничтожается возможность взысканія.

Ст. 1654 ч. I т. X, изд. 1832 г., гласитъ: „Ежели обязательства предъявлены будутъ ко взысканію по минованіи десяти лѣтъ съ истеченія назначеннаго въ нихъ срока, или по предъявленіи ихъ ко взысканію, хожденія не будетъ со стороны истца десять лѣтъ, то иски и взысканія уничтожаются“. Искъ могъ быть предъявленъ только къ лицу, обязавшемуся, искъ личный представляетъ собою выдѣлившуюся изъ матеріальнаго права силу, направленную только противъ обязаннаго субъекта. Если выдѣлившаяся изъ матеріальнаго права требованія исковая сила осталась въ бездѣйствіи въ теченіе десяти лѣтъ, то остается ли что-либо отъ матеріальнаго основанія этой силы? Вопросъ пріобрѣтаетъ практическое значеніе только въ случаѣ добровольной уплаты должникомъ своего долга кредитору, по истеченіи десяти лѣтъ со времени возникновенія иска. Возможно ли разсматривать такую уплату какъ *solutio indebiti* и слѣдовательно предоста- вить уплатившему искъ о возвращеніи недолжнаго, или же такая уплата должна быть разсматриваема все-же какъ so-

lutio debiti, хотя основаніе долга потеряло характеръ обязательства, способнаго къ осуществленію процессуальными средствами? Десятилѣтній срокъ погасилъ искъ по обязательству, но не погасилъ самого обязательства, и сдѣланная послѣ истеченія давности уплата сдѣлана не безъ основанія, а потому уплата должна остаться въ силѣ. Но за исключеніемъ случая уплаты по obligatio naturalis погашеніе личнаго иска совпадетъ съ погашеніемъ личнаго матеріальнаго права. Кто въ теченіе 10 лѣтъ не требовалъ уплаты долга, тотъ потерялъ на будущее время юридическую возможность требованія—не только въ виду возраженія предоставленнаго отвѣтчику, но и въ силу возложенной на судъ обязанности слѣдить за неукоснительнымъ соблюденіемъ правила о давности. Здѣсь будетъ имѣть значеніе формула: что не можетъ быть осуществлено мѣрами процессуальными, то юридически и не существуетъ. Личное право есть во всякомъ случаѣ право временное.

Въ иномъ положеніи находятся иски вещные, вотчинные, тяжбы. Исковая сила вотчинныхъ правъ, защищаемыхъ тяжбами, выходитъ изъ своего связаннаго состоянія, когда вотчинное право подвергнется отрицанію или ограниченію въ своемъ осуществленіи благодаря дѣятельности противной стороны, т. е. опять въ томъ случаѣ, когда титулу матеріальнаго права не соотвѣтствуетъ реальная обстановка. Но вотчинное право, въ противоположность личному, можетъ быть нарушено не однимъ опредѣленнымъ заранѣе субъектомъ, а способно къ нарушенію со стороны каждаго; слѣдовательно, изъ одного вотчиннаго права способно выдѣлиться столько исковъ, сколько есть вытекающихъ изъ отдѣльныхъ основаній нарушеній матеріальнаго права. Всякій изъ этихъ исковъ подвергается дѣйствію десятилѣтней давности, исчисляемой съ момента нарушенія права. Вотчинныя права не одинаковы по своей силѣ, обнимая то большее, то меньшее количество элементовъ, входящихъ въ составъ самаго широкаго вотчиннаго права,—права собственности.

Отдѣльныя правомочія, предоставленныя субъекту вотчиннаго права, или вся совокупность ихъ могутъ подвергнуться

отрицанію, нарушенію со стороны субъекта посторонняго: тогда изъ вотчиннаго права возникаетъ искъ, который представляетъ собою отношеніе между субъектомъ права и нарушителемъ права. Какое же вліяніе окажетъ давность на иски, защищающіе вотчинныя права? Пропущеніе давности приведетъ къ тому, что устранена будетъ возможность вступить въ процессуальное отношеніе съ нарушителемъ права (и его правопреемниками): искъ уничтожается, дѣло передается вѣчному забвенію.

Но этимъ не сказано, что уничтожается само матеріальное право, изъ котораго выдѣлился погашенный давностью искъ. Вещное право существуетъ либо вѣчно, пока существуетъ объектъ права, либо срочно, пока существуетъ субъектъ (пожизненно), или пока дѣйствуютъ условія, опредѣленныя въ самомъ актѣ установленія вещнаго права (ст. 514 ч. I т. X изд. 1887 года). Невозможность предъявленія, за давностью, иска не разрушаетъ основанія матеріальнаго права, которое посему и продолжаетъ существовать такъ долго, какъ долго способно оно существовать по своей природѣ, т. е. или вѣчно, или въ теченіе опредѣленнаго срока. И вотчинное право всегда способно будетъ проявить свое существованіе, какъ только отпадутъ условія, опредѣлившія возникновеніе погашеннаго давностью иска, или когда неразрушенный титулъ вотчиннаго права долженъ быть принятъ въ соображеніе при отчужденіи объекта. Вотчинный искъ, защищая отношеніе управомоченнаго субъекта къ имуществу, въ случаѣ нарушенія этого отношенія другимъ субъектомъ, создаетъ отношеніе между управомоченнымъ и нарушителемъ (и ихъ правопреемниками), но только между ними.

Значитъ, если на мѣсто дѣйствительнаго нарушителя вещнаго права станетъ пезависимо отъ нарушителя, не какъ его правопреемникъ, новый субъектъ, то между вещно-управомоченнымъ и этимъ замѣстителемъ дѣйствительнаго нарушителя будетъ наблюдаться уже не то отношеніе, какое существовало между субъектомъ права и дѣйствительнымъ нарушителемъ (или его правопреемникомъ): отсюда искъ, погашенный давностью противъ нарушителя, не совпадаетъ съ

искомъ управомоченнаго субъекта противъ поваго лица, — это два разные иска, а, слѣдовательно, занявшій мѣсто дѣйствительнаго нарушителя, помимо воли послѣдняго, оказывается нарушающимъ право первоначальнаго субъекта вотчиннаго права, а не право перваго нарушителя, ибо послѣдній никакого права на имущество не приобрѣлъ.

Вторичный, такъ сказать, нарушитель нарушаетъ все-же право первоначальнаго субъекта, который, опираясь на вѣчность или срочность своего вотчиннаго права, долженъ имѣть искъ противъ вторичнаго нарушителя, хотя-бы за давностью и потерялъ этотъ искъ противъ первичнаго нарушителя. Такъ обстоитъ дѣло съ вещными исками до появленія у насъ, кромѣ созданной манифестомъ 1787 года исковой давности, давности владѣнія—давности приобретательной. При дѣйствіи приобретательной давности, потеря иска на одной сторонѣ совпадаетъ съ приобретениемъ права на другой и *вслѣдствіе этого* съ потерей вещнаго права для первоначальнаго субъекта. Первоначальный собственникъ, утративъ право на искъ противъ первоначальнаго нарушителя, вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ и свое право собственности, но не потому, чтобы съ потерей иска утрачивалось защищаемое тѣмъ искомъ право, а потому, что отвѣтчикъ (нарушитель права первоначальнаго собственника) уже приобрѣлъ право собственности давностнымъ провладѣніемъ; слѣдовательно, вторичный нарушитель окажется отвѣтчикомъ не въ отношеніи къ первоначальному собственнику, а въ отношеніи къ первоначальному нарушителю, искъ же первоначальнаго собственника будетъ прекращенъ по отводу. Впрочемъ, это явленіе возможно только относительно права собственности и виндикаціи. Относительно вещнаго права на чужое имущество подобное явленіе не представляется возможнымъ, потому что давностью владѣнія приобретается только право собственности, а не отдѣльные элементы, входящіе въ составъ понятія собственности и составляющіе, въ выдѣленномъ состояніи, содержаніе особыхъ вещныхъ правъ на чужое имущество. Такъ, пожизненный или срочный владѣлецъ не утрачиваетъ своего вещнаго права въ теченіе всего того періода, на который установлено для него

вещное право, не смотря на то, что можетъ потерять искъ, защищающій его вещное право. Но искъ есть отношеніе, связывающее опредѣленныхъ субъектовъ, и давностью погашается исковое отношеніе только противъ опредѣленнаго лица, нарушителя вещнаго права (и его правопреемниковъ): если, по этому, на мѣсто первоначальнаго отвѣтчика, но независимо отъ него, станетъ новое лицо, то противъ этого послѣдняго, во все продолженіе срочнаго владѣнія управомоченнаго, возстановится искъ, давностью не погашенный. Впрочемъ, и помимо того, въ случаѣ, когда имущество, обремененное пожизненнымъ или срочнымъ владѣніемъ, будетъ по волѣ собственника-отвѣтчика, нарушившаго пожизненное (срочное) владѣніе и отражающаго искъ пожизненнаго владѣльца возраженіемъ о давности, подлежать отчужденію, —наличность пожизненнаго владѣнія въ актѣ, на основаніи коего имущество принадлежитъ отвѣтчику, окажется препятствіемъ къ отчужденію, которое и не можетъ осуществиться вопреки согласію пожизненнаго владѣльца. Матеріальнаго права истечение давностнаго срока не погашаетъ, а уничтожаетъ только искъ: поэтому собственникъ обремененнаго пожизненнымъ владѣніемъ имущества, въ случаѣ погашенія иска управомоченнаго давностью, не вправе требовать, чтобы пожизненное владѣніе признано было погашеннымъ; такое владѣніе, хотя и не подлежащее осуществленію процессуальнымъ путемъ, оказывающееся слѣдовательно *jus nudum*, будетъ сохранять свое значеніе такъ долго, какъ долго существуютъ основанія, обусловившія возникновеніе права вещнаго на чужое имущество, —пожизненно или срочно.

По тѣмъ же соображеніямъ право на срочныя выдачи, обременяющія какое-либо недвижимое имущество, не подлежитъ утратѣ благодаря тому, что управомоченный на полученіе этихъ выдачъ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ не требовалъ этихъ выдачъ: разъ предусмотрѣнныя въ актѣ установленія выдачъ условія продолжаютъ существовать, и выдачи, по волѣ учредителя, обременяютъ имущество, неосуществленіе права управомоченнаго на отдѣльныя выдачи погашается десятилѣтнимъ срокомъ относительно каждой от-

дѣльной выдачи, но не поражается само матеріальное право; въ пользу вѣчнаго субъекта, какимъ является юридическое лицо, право иска о выдачахъ (не погашенныхъ десятилѣтнимъ срокомъ) существуетъ вѣчно, и не можетъ собственникъ обремененнаго срочными выдачами недвижимаго имущества требовать, чтобы право на срочныя выдачи признано было прекратившимся въ силу того, что искъ управомоченнаго о выдачахъ погашенъ давностью. Обременяющее право, право на чужое имущество, и въ данномъ случаѣ будетъ существовать, пока существуютъ основанія, обусловившія учрежденіе выдачь.

Что касается права участія частнаго, то искъ управомоченнаго противъ отвѣтчика нарушителя погашается десятилѣтнею давностью, но не погашается такой искъ противъ непрощеннаго замѣстителя первоначальнаго отвѣтчика; да и для первоначальнаго отвѣтчика, за погашеніемъ иска противъ него, не возникаетъ права неограниченной собственности, свободной отъ права участія въ его имуществѣ для лица посторонняго. И здѣсь не можетъ быть иска о признаніи права участія погашеннымъ за истеченіемъ давности. Но здѣсь для владѣльца „служащаго“ имущества можетъ быть другой выходъ: онъ можетъ, при наличности условій давностнаго владѣнія, просить о признаніи за нимъ права собственности во всей совокупности входящихъ въ понятіе сего права элементовъ и, какъ субъектъ полнаго права собственности, можетъ требовать, чтобы основаніе права участія частнаго было признано теперь утратившимъ свою силу. Не потому, слѣдовательно, право участія частнаго будетъ разрушено, что искъ объ этомъ правѣ погашенъ давностью, а въ силу того, что содержаніе права участія частнаго входитъ уже въ составъ права полной собственности, титуломъ для которой является судебное опредѣленіе о признаніи (прежде ограниченнаго) владѣльца—собственникомъ.

Залоговое право проникнуто у насъ смѣшаннымъ характеромъ, оно не есть вещное только право, но гораздо больше отличается личнымъ характеромъ. Однако и здѣсь давность иска залогодержателя противъ залогодателя не освобождаетъ

заложеннаго имущества отъ лежащаго на немъ запрещенія, если за давностью и не оказывается возможнымъ для залогодержателя требовать удовлетворенія по закладной въ крайнемъ случаѣ путемъ обращенія взыскапія на имущество, то, съ другой стороны, для залогодержателя остается, хотя и слабое, утѣшеніе въ видѣ запрещенія, паложеннаго въ обезпеченіе его требованія на заложенное ему имущество; и здѣсь не можетъ быть со стороны залогодателя иска о признаніи права залогодержателя погашеннымъ силою давности, и вліяніе ослабленнаго закладнаго права выразится при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ проявляется сила всякаго иного вещнаго права на чужое имущество, пораженнаго возраженіемъ объ истеченіи исковой давности ¹⁾).

Такимъ образомъ давность, погашающая искъ,—а такую только давность и знаетъ „коренной, основной и общій“ законъ, манифестъ 1787 года—не поражаетъ матеріальнаго права, а лишь устраняетъ возможность его проявленія путемъ возраженія объ истеченіи установленнаго закономъ срока на предъявленіе иска о нарушеніи матеріальномъ правѣ. (Поэтому, возвращаясь къ личнымъ искамъ, нельзя допустить иска со стороны должника, претензія къ которому погашена давностью, о признаніи права кредитора прекратившимся за истеченіемъ давности для иска послѣдняго). Давность владѣнія, какъ уже показано, устанавливая для одной стороны право собственности, тѣмъ самымъ приводитъ на другой сторонѣ къ утратѣ права матеріальнаго; но это явленіе оказывается послѣдствіемъ возникновенія новаго права собственности, а отнюдь не результатомъ погашенія иска.

Давность владѣнія появляется впервые въ своемъ настоящемъ видѣ въ Сводѣ законовъ изд. 1832 г. Редакціоннымъ способомъ созданъ новый законъ огромной важности, никоимъ образомъ не могущій быть выведеннымъ изъ тѣхъ законодательныхъ актовъ, ссылки на которые преведены подъ нынѣшнею 533 ст. ч. 1 т. X. Среди этихъ ссылокъ фигу-

---

¹⁾ Вопроса о вліяніи давности на залоговое право законъ касается въ ст. 3 прил. 694 ч. I т. X.

рируетъ и 4 п. манифеста 1787 года; по это единственный общій законъ, значеніе котораго неоднократно разъяснялось Государственнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ, законъ, который къ тому же касается только исковой давности. Предположенія давности владѣнія—по дѣйствующему закону очень скудныя въ сравненіи съ давностью европейскихъ законодательствъ—внесены въ ст. 533 изъ законодательныхъ актовъ, которые либо имѣли частное значеніе, для отдѣльныхъ территорій, либо посвящены были вопросамъ межеванія, разрѣшая такимъ образомъ задачи межеванія, пока таковое производилось, но не давали общихъ правилъ для установленія на будущее время давности владѣнія, какъ новаго способа пріобрѣтенія права собственности. И въ самомъ дѣлѣ, послѣдній изъ актовъ, на который сдѣлана ссылка подъ ст. 533,—Именной указъ, даный Сенату 21 февраля 1833 г. (въ изданіи Свода законовъ, по другому поводу, находимъ: „переходъ имѣнія, заложеннаго въ кредитномъ установленіи, отъ одного владѣльца къ другому вслѣдствіе давности не ослабляетъ правъ кредитнаго установленія, которое въ случаѣ неплатежа долга, или просрочки, обращается къ заложенному имѣнію, въ чемъ бы владѣніи оно ни находилось; но такое право кредитнаго установленія не можетъ служить должнику къ возстановленію собственнаго его права, если бы оно было утрачено съ его стороны пропусченіемъ давности, въ отношеніи къ постороннему лицу“. Въ Сводѣ 1832 г. ссылки на этотъ указъ естественно еще не имѣется) ¹⁾,—посвященъ вопросу „о земельномъ правѣ въ Таврическомъ полуостровѣ и о облегченіи въ ономъ межеванія“. Изъ этого закона, имѣющаго, какъ показываетъ его заглавіе, мѣстное значеніе, въ нынѣшнюю ст. 533 заимствованъ признакъ чрезвычайной важности, еще неизвѣстный Своду 1832 года ²⁾, а именно: въ право собственности превращается съ истеченіемъ срока то спо-

¹⁾ 2 П. С. З. 1833 г. февр. 21 № 5994.

²⁾ По изданію 1832 г. ст. 316, соответствующая нынѣшней 533, гласила: „Спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе превращается въ право собственности, когда оно продолжится въ теченіе установленной закономъ давности“

койное, бесспорное и непрерывное владѣніе, которое и осуществлялось „*въ видѣ собственности*“. Но это требованіе въ текстѣ Именнаго указа относилось къ поземельному праву въ Таврическомъ полуостровѣ ¹⁾ и отнюдь не имѣло общаго значенія. Сенатскій указъ 7 августа 1830 года ²⁾ является рѣшеніемъ по частному дѣлу Остолоповой съ Тихменевыми; указъ признаетъ подлежащую уничтоженію купчую крѣпость на имѣніе, во владѣніи коего покупатель не былъ введенъ и которое оставалось за продавцемъ въ теченіе 35 лѣтъ. Сенатъ опирается въ этомъ случаѣ на старый указъ 23 марта 1714 года, по силѣ котораго не создается давностью поваго права собственности, а, за уничтоженіемъ неосуществленной купчей, сохраняется первоначальное владѣніе „невозвратно“. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „объ обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ въ городахъ имущества имѣть на оныя крѣпостные акты или другіе указанные виды“ ³⁾ въ 5 пунктѣ постановляетъ: „если настоящему бесспорному владѣльцу дома или другаго недвижимаго въ городѣ имѣнія, за смертью продавца и наследниковъ, или за неизвѣстною отлучкой, купчей получить не отъ кого, то, на основаніи общихъ узаконеній, онъ получаетъ данную отъ гражданской палаты или уѣзднаго суда со внесеніемъ крѣпостныхъ пошлинъ“... Приведенные выше законодательные акты 1808 г. сентября 22 (23282), 1823 г. февраля 16 (29315) и 1824 г. февраля 10 (29772) говорятъ о примѣненіи исковой давности 4-го пункта манифеста 1787 г. Наконецъ, манифестъ о генеральномъ меже-

---

¹⁾ Въ п. 1 разд. I, „О поземельномъ правѣ въ Таврическомъ полуостровѣ“ сказано: „оставляя въ полной силѣ положеніе 28 сентября 1827 года въ отношеніи къ степной части Крыма, въ горной части онаго и на южномъ берегу, дозволить татарамъ какъ уступку между собою, такъ и продажу другимъ лицамъ земель, не токмо по документамъ имъ принадлежащихъ, но и по 10-лѣтнему до изданія сего указа владѣнію безъ документовъ, если розысканіями на мѣстѣ будетъ доказано, что продаваемый или уступаемый участокъ земли, на которую могла бы имѣть право казна, находится донынѣ въ теченіе десяти лѣтъ въ бесспорномъ частномъ владѣніи *въ видѣ собственности*“.

²⁾ П. С. З. 1830 г. августа 7 № 3836.

³⁾ 2 П. С. З. 31 мая 1828 г. № 2071.

ваніи ¹⁾ и инструкція ²⁾ дають правила о томъ, за кѣмъ при межеваніи записывать примѣрныя земли. Манифестъ, какъ извѣстно, создаетъ преимущество въ пользу тѣхъ владѣльцевъ, которые владѣютъ землями безспорно или разводится между собою полюбовно. Генеральныя правила въ п. 9 гласятъ: „у безспорно между собою разведшихся во владѣніи своихъ земель помѣщиковъ, ни примѣрныхъ противу писцовыхъ дачъ земель, ни писцовыхъ урочищъ не изыскивать, но всякому такому владѣльцу, яко достойному, спокойному и добродѣтельному сыну своего отечества, тѣ его безспорно владѣющія (sic) земли безъ всякаго изытія отмежевать, и утверждать въ вѣчное и потомственное владѣніе къ его селамъ, деревнямъ и пустошамъ“. Инструкція же въ гл. IV ст. 1 по вопросу о томъ, что должно быть принимаемо за основаніе въ каждомъ владѣніи, между прочимъ (п. 3) постановляетъ: „безспорное издавно, но не позже какъ до 1765 г. владѣніе“.

Содержаніе всѣхъ этихъ законодательныхъ актовъ показываетъ, что нынѣшняя 533 статья ч. 1 т. X является чѣмъ-то совершенно новымъ и неожиданнымъ, по ходу предшествующаго законодательства. Изъ положеній о давности нековой создается новый законъ о давности владѣнія, давности пріобрѣтательной, хотя между обѣими давностями и нѣтъ непосредственной связи. Во всякомъ случаѣ эта покая давность является лишь способомъ пріобрѣтенія права собственности, но не распространяется на другія гражданскія правоотношенія: пріобрѣсти по давности можно только право собственности, но давность не есть способъ, превращающій всякое фактическое состояніе въ отношеніе, основанное на юридическомъ титулѣ, т. е. въ право. Давность владѣнія есть первообразный способъ пріобрѣтенія права собственности, у новаго собственника наблюдается не то право собственности, какое было у лица, утратившаго свой искъ объ имуществѣ, составляющемъ объектъ новаго права; это два

---

¹⁾ 1 П. С. З. 1765 г. сент. 17, № 12474.

²⁾ 1 П. С. З. 1766 г. мая 25, № 12659.

совершенно различныя права, изъ которыхъ предшествующее прекратилось въ силу того, что теперь возникло новое, можетъ быть и аналогичное предшествующему, но не имѣющее съ нимъ никакой связи. Поскольку давность владѣнія не приводитъ къ прекращенію право первоначально управомоченнаго, право этого послѣдняго продолжаетъ существовать и способно проявить свою силу при стеченіи благопріятныхъ условій.

Таково значеніе „общаго, кореннаго и основнаго“ закона о давности десятилѣтней, закона, лежащаго въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ законодательныхъ актовъ о примѣненіи давности общей или „земской“.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію того, какъ истолковываются законы о давности въ судебной практикѣ, слѣдуетъ остановиться на диктуемыхъ предшествующимъ развитіемъ законодательства выводахъ, которые представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1. Манифестъ 28 іюня 1787 года ввелъ давность исковую, которая одна только и извѣстна нашему законодательству до изданія Свода.

2. Съ изданіемъ Свода къ давности исковой присоединилась давность владѣнія, давность пріобрѣтательная (ст. 301 ч. 1 т. X 1832 г.—ст. 533 ч. 1 т. X изд. 1887 г.).

3. Давность владѣнія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только возникновеніе права собственности, но не какого-либо иного права.

4. Давность исковая—въ ст. 692 и 694 ч. 1 т. X—разрушаетъ искъ, но не поражаетъ матеріальнаго права, защищаемаго искомъ.

5. Давность исковая дѣйствуетъ противъ всякаго тяжущагося и въ пользу всякаго отвѣтчика.

6. Давность поражаетъ процессуальное отношеніе, доколѣбъ таковое существуетъ, въ зависимости отъ природы защищаемаго искомъ отношенія.

Существовало ли, или нѣтъ въ эпоху изданія манифеста 1787 г. и послѣдующее время, до изданія Свода, ясное представленіе о разницѣ между матеріальнымъ и исковымъ пра-

вомъ, но знаменательно то, что во всѣхъ законодательныхъ актахъ, до изданія Свода, рѣчь идетъ объ уничтоженіи давностью иска, и только въ Сводѣ правила манифеста получаютъ смутную редакцію (ст. 390 и 392 изд. 1832 г.), дающую поводъ думать, что давностью поражается само матеріальное право. Разсмотрѣніе источниковъ этихъ статей приводитъ къ заключенію, что выраженіе „тотъ теряетъ свое право“ должно быть понимаемо въ смыслѣ утраты не матеріальнаго, а процессуальнаго права; въ правильности такого толкованія убѣждаетъ и мѣсто, занимаемое вышѣшними статьями 692 и 694 въ системѣ 1 ч. X тома: обѣ статьи помѣщены въ главѣ 7 разд. II кн. II, озаглавленной „о правѣ судебной защиты по имуществамъ“, и всѣ статьи этой главы говорятъ о правѣ отыскивать (691), о правѣ отысканія (692), о правѣ искать удовлетворенія или вознагражденія посредствомъ полиціи или суда (693); слѣдовательно, и „тотъ теряетъ свое право“ относится къ праву отысканія, а не къ тому матеріальному отношенію, изъ котораго выдѣлилась исковая сила.

Дѣйствіе 4-го п. манифеста было такъ сильно въ началѣ XIX в., въ эпоху законодательныхъ экспериментовъ, что въ проектѣ гражданскаго уложенія 1814 года давность разумѣлась исключительно въ смыслѣ давности исковой, и проектъ не послѣдовалъ примѣру Code Napoléon, гдѣ (art. 2219) содержится такое опредѣленіе: „la prescription est un moyen d'acquiescer ou de se libérer par un certain laps de temps, et sous les conditions déterminées par la loi“¹⁾.

---

¹⁾ Въ проектѣ гражданскаго уложенія 1814 года (Архивъ Государственнаго Совѣта, т. IV, ч. 1, 1874 г.) заключительная глава (кн. III, гл. 19) посвящена давности, которая и здѣсь разсматривается исключительно съ точки зрѣнія процессуальныхъ послѣдствій.

§ 380 „Кто въ опредѣленный законами срокъ не отыскиваетъ принадлежащаго ему права, тотъ съ истеченіемъ сего срока теряетъ искъ свой, что и составляетъ давность“.

§ 381 „Общій срокъ для давности полагается десятилѣтнее молчаніе о принадлежащемъ кому-либо правѣ или требованіи, какъ между частными людьми, такъ между ими и казною“.

§ 382 „Кто въ теченіе сего срока иска не учинитъ, или произведя искъ, чрезъ десять лѣтъ сряду не будетъ имѣть хожденія: тотъ долженъ навсегда онаго (т. е. иска) лишиться“.—Въ отступленіе отъ манифеста § 384 проекта перечисляетъ иски, не подлежащіе дѣйствію давности.

III.

Практика Государственного Совѣта, судя по относящимся сюда рѣшеніямъ ¹⁾ за первое десятилѣтіе XIX в., истолковывала 4 п. манифеста въ томъ смыслѣ, что давностью прекращается искъ, т. е. согласно буквѣ подлежавшаго примѣненію закона, хотя въ то же время въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ обнаруживается стремленіе признать за давностью владѣнія доказательство неизблемости права на владѣніе. Такъ, 28 іюля 1802 года, Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ прошеніе статскаго совѣтника Штерича на генераль-лейтенанта Бердяева за отрѣзаніе земли изъ владѣній его къ войску Донскому, пашель, что, „черта проведена Бердяевымъ, хотя утверждена и Правительствующимъ Сенатомъ и конфирмаціею на планѣ покойнаго Государя Императора, но тѣмъ не менѣе по причинамъ, отъ генераль-прокурора представленнымъ, признать ее правильною не можно,—потому что сею чертою отъемлетя отъ Штерича земля, чрезъ тридцатилѣтнюю давность имъ владѣмая, а законъ и одной десятилѣтней давности во всѣхъ правахъ, до собственности касающихся, принимаемъ былъ всегда непоколебимымъ ихъ основаніемъ и нарушеніе его повлекло бы во многихъ собственностяхъ весьма важныя превращенія и неокончательныя тяжбы“. Такая мотивировка не можетъ быть признана правильною; ссылка на давность здѣсь вовсе и неумѣстна, потому что пограничная черта уже была Высочайше конфирмована на планѣ, а потому сколько бы ни продолжалось владѣніе Штерича, разъ земля у него была отрѣзана по Высочайшему повелѣнію,—давность здѣсь не имѣетъ значенія. „Законъ о давности“, на который здѣсь сдѣлана ссылка, есть законъ о давности иска. Если бы противъ Штерича возникъ искъ о правѣ собственности, то въ такомъ случаѣ онъ могъ бы защищаться давностью; но объ искѣ здѣсь рѣчи нѣтъ, а идетъ рѣчь о правѣ собственности Штерича, нарушенномъ отрѣзкою у него земли и обоснованномъ на продолжительномъ владѣніи. Вопросъ

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта т. III, ч. 2—1878 г.

былъ уже разрѣшенъ въ порядкѣ административномъ, а не судебномъ, и давность здѣсь не при чемъ ¹⁾).

Въ другомъ случаѣ, по дѣлу о спорномъ между помѣщиками Зварыкинымъ и майоршею Казиною недвижимомъ имѣніи, Государственный Совѣтъ нашелъ, что Зварыкины присвоиваютъ себѣ имѣніе по праву наслѣдства, а Егановы (наслѣдодатели Казиной) удерживаютъ оное у себя по праву давности и по пропускенію противною стороною апелляціонныхъ сроковъ; что вся сила спора состоитъ только въ вопросѣ, которая изъ спорящихъ сторонъ владѣла имѣніемъ безспорно со времени перваго рѣшенія, въ 1763 г. бывшаго, по открытіе споровъ, въ 1789 году послѣдовавшее; ибо тотъ, кто въ теченіе сихъ 25 лѣтъ владѣлъ имѣніемъ безспорно, тотъ безъ сомнѣнія по праву давности и владѣть имъ долженъ. Изъ подлежащихъ истребованію положительныхъ свѣдѣній откроется, кто изъ двухъ сторонъ въ теченіе сего времени владѣлъ имѣніемъ; а какъ изъ дѣла видно, что исковыхъ просьбъ и апелляціонныхъ жалобъ на рѣшеніе 1763 года по 1789 г. приносимо не было, то, сообразивъ сіе обстоятельство съ правомъ владѣнія, откроется уже само собою, кто безспорно владѣлъ симъ имѣніемъ, и слѣдовательно найдется самый ближайшій и никакому сомнѣнію не подлежащій путь рѣшить сіе дѣло по *общимъ законамъ о правѣ давности* и пропускѣ апелляціонныхъ сроковъ ²⁾. Другими словами, вопросъ разрѣшается давностью въ пользу отвѣтчика, т. е. субъекта, владѣющаго спорнымъ имѣніемъ. Двадцатипятилѣтній срокъ оказывается въ этомъ дѣлѣ совершенно случайнымъ,—этотъ срокъ протекъ между рѣшеніемъ 1763 года и возобновленіемъ спора въ 1789 году. Важно для рѣшенія спора конечно не то, кто изъ тяжущихся владѣлъ въ теченіе всѣхъ 25 лѣтъ, а лишь то, которая сторона владѣла въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, т. е. съ 1779 года, безспорно, въ томъ смыслѣ, что искозъ противъ владѣльца въ это время возбуждено не было: если въ первыя 15 лѣтъ

¹⁾ Ibid., стр. 133—134. 1805 г., іюня 19.

²⁾ Архивъ Госуд. Сов., т. III, ч. 2, стр. 119—121.

владѣль одинъ, а потомъ въ теченіе 10 лѣтъ другой, то послѣдній и долженъ быть оставленъ во владѣніи, согласно общему закону о давности; здѣсь итъ рѣчи о давности владѣніи, а идетъ рѣчь только объ отраженіи иска ссылкойю на давность.

Въ 1806 г. мая 14 Государственный Совѣтъ имѣлъ сужденіе ¹⁾ объ оставленіи во владѣніи графа Строганова деревни Жипахи въ Московской губерніи. Высоцкій монастырь въ 1706 году отдалъ эту деревню именитому чело-вѣку Григорію Строганову изъ оброка впредь безъ цер-кунки потомственно. Когда въ 1764 г. послѣдовала секуля-ризація монастырскихъ имѣній, то коллегія экономин нашла означенную деревню во владѣніи графа Александра Строга-нова по праву наслѣдства и, усмотрѣвъ изъ даннаго мона-стырскому приказу въ 1702 г. Высочайшаго указа, что на отдачу въ оброкъ деревень съ крестьянами повелѣнія не было, представила обстоятельство сіе въ 1784 году на раз-смотрѣніе Правительствующему Сенату. Сенатъ нашель от-дачу деревни монастыремъ неправильною, но съ другой стороны принялъ во вниманіе, что имѣніе состоитъ во вла-дѣніи за Строгановыми отъ 1706 г. по нынѣшнее время близъ цѣлаго столѣтія, и со стороны казны оставлено за нынѣшнимъ владѣльцемъ графомъ Строгановымъ безъ под-лежащаго иска болѣе 40 лѣтъ, и безъ платежа оброка болѣе 30 лѣтъ, тогда какъ 4 п. манифеста говоритъ всего лишь о 10-лѣтнемъ срокѣ; поэтому Сенатъ полагаетъ: „по силѣ сего манифеста означенное имѣніе за графомъ Строгановымъ, яко наслѣдственное по древнему и безспорному владѣнію, утвердить и недоимки на немъ по окладу монастырскому никакой не числить тѣмъ болѣе, что чрезъ столь долгое время самое то имѣніе, какъ въ людяхъ, такъ и въ качествѣ угодій, разными хозяйственными распоряженіями *содѣлалось уже болѣе собственностью владѣльца*“. Что казна потеряла искъ,—это понятно и согласно съ 4 пунктомъ манифеста, но какъ это имѣніе содѣлалось уже болѣе собственностью

¹⁾ Ibid. стр. 134—135.

владѣльца, — это съ точки зрѣнія общаго закона о давности не представляется понятнымъ. О какомъ утвержденіи можетъ здѣсь идти рѣчь? Давность владѣнія еще не существовала. Но Государственный Совѣтъ какъ въ приведенныхъ, такъ и въ слѣдующихъ рѣшеніяхъ, отражая притязанія одной стороны за истеченіемъ давности для ея иска, считаетъ возможнымъ, все яко-бы на основаніи того же 4 п. манифеста, утверждать владѣніе противной стороны, сообщать этому владѣнію юридическое основаніе, создавать этому владѣнію титулъ въ видѣ давности, хотя такой титулъ современному законодательству и не былъ извѣстенъ.

Такъ, рассматривая въ 1806 году дѣло о слободѣ Пещанкѣ, Государственный Совѣтъ призналъ правильнымъ положеніе Правительствующаго Сената по сему дѣлу, находившаго, что „Нарышкины, владѣя слободою Пещанкою съ начала ея поселенія болѣе 30 лѣтъ, спокойно, безъ всякаго со стороны казенной препятствія, приобрѣли чрезъ то неотъемлемое на опую право, по силѣ Всемиловѣйшаго 1787 г. іюня 28 о десятилѣтней давности манифеста; а потому общее Сената собраніе, слѣдуя точной (?) силѣ узаконеній, и полагаетъ жителей слободы Пещанки оставить у Нарышкиныхъ и съ владѣемою ими землею, при той слободѣ состоящую. Но какъ оная земля, бывъ въ опекуное межеваніе названа казенною, поступала въ оброкъ, то объ исключеніи изъ онаго Сенатъ и испрашиваетъ Высочайшаго указа“ ¹⁾. Послѣдняя фраза не соотвѣтствуетъ ссылкѣ на давность. Безспорною земля при слободѣ Пещанкѣ, какъ видно, не была, если она была признана казенною; манифестъ относится къ искамъ, — значитъ могла идти рѣчь только объ утратѣ исковаго права, но не о титулѣ собственности.

Такимъ же точно образомъ Государственный Совѣтъ, по дѣлу о землѣ, состоящей въ владѣніи маіора Дубянскаго ²⁾, не только призналъ претензіи къ Дубянскому погашенными десятилѣтнею давностью, но и распорядился „объ оставленіи

---

¹⁾ Ibid., стр. 135—136. 1809 г. декабря 31.

²⁾ Ibid., стр. 137—139. 1809 г. октября 4.

за Дубяискимъ всѣхъ владѣемыхъ имъ земель“, мотивируя свое постановленіе тѣмъ, „что земли, почитаемыя у маіора Дубяиускаго сверхъ дачъ излишними, не были со стороны казенной отыскиваемы болѣе 10 лѣтъ, и всѣ онѣ, кромѣ 826 десятинъ, бывъ обмежеваны за отцомъ его, безъ всякаго спора оставались въ спокойномъ ихъ владѣніи какъ до 1785 года, такъ и послѣ“...

По дѣлу Пензенскаго купца Мамина о дворовомъ мѣстѣ ¹⁾ Государственный Совѣтъ нашель, „что хотя купецъ Никита Маминъ по рѣшенію совѣстнаго суда и имѣлъ на дворовое мѣсто право, но онъ право сіе потерялъ во-первыхъ потому, что на основаніи сего рѣшенія не внесъ дспегъ для возвращенія капитану Суханову, которому то мѣсто племянникомъ его, Мамина, было продало; во-вторыхъ потому, что мѣсто сіе, за невыполненіемъ со стороны Мамина означеннаго положенія совѣстнаго суда, оставалось во владѣніи Суханова болѣе десяти лѣтъ. По симъ причинамъ Совѣтъ рѣшеніе общаго Сепата собранія, чтобы мѣсто сіе, по продажѣ Сухановымъ, оставить за купцомъ Дрыкинымъ, признаеть правильнымъ и обстоятельствамъ дѣла сообразнымъ“.

Въ этихъ рѣшеніяхъ частныхъ дѣлъ Государственный Совѣтъ расширяеть значеніе давности, введенной манифестомъ, за предѣлы 4-го его пункта, создавая давность владѣнія (пріобрѣтательную); между тѣмъ въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, опубликованномъ въ указѣ Сепата 21 іюня 1815 года, т. е. въ актѣ, имѣющемъ силу закона, рѣчь идетъ только о давности исковой, а о давности владѣнія здѣсь вовсе не упоминается, хотя, въ виду недоразумѣній, вызываемыхъ на практикѣ при примѣненіи 4 п. манифеста, было бы умѣстно остановиться на послѣдствіяхъ пропущенія давностнаго срока по тяжбамъ, если бы съ этимъ пропущеніемъ, по мысли законодателя, дѣйствительно связывалось пріобрѣтеніе права собственности.

---

¹⁾ Ibid., стр. 139—142. 1809 г. декабря 13.

Какъ бы то ни было, въ изданіи Свода 1832 года появилась статья (301), санкціонирующая превращеніе спокойнаго, непрерывнаго и безспорнаго владѣнія въ право собственности; а въ изданіи 1842 года, безъ видимыхъ признаковъ законодательнаго происхожденія, статья дополнена новымъ признакомъ владѣнія—„въ видѣ собственности“. Судебныя мѣста, оперируя съ понятіемъ давности, должны были считаться не только съ давностью иска, но и съ давностью владѣнія—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь шла о возможности превращенія владѣнія въ право собственности. Суды, при дѣйствіи 2 ч. X т., обязаны были примѣнять давность *ex officio*. Въ иное положеніе поставлены судебныя мѣста уставомъ гражданскаго судопроизводства. По ст. 132 „мировой судья не возбуждаетъ вопроса о давности, если тяжущіеся на нее не ссылались“¹⁾; по статьѣ же 706 „судъ не имѣетъ права ни постановлять рѣшеній о такихъ предметахъ, о коихъ не предъявлено требованія, ни присуждать болѣе того, что требовалось тяжущимся, ни возбуждать вопроса о давности, если тяжущіеся на нее не ссылались“.

Порядокъ примѣненія правилъ о давности измѣненъ уст. гражд. суд., но не измѣнены самыя правила: это все тотъ же 4-й пунктъ манифеста, разновременно изданные съ цѣлью распространенія его законодательные акты и безъ особой законодательной санкціи появившаяся въ Сводѣ (нынешняя) 533 ст. I ч. X т.

Въ примѣненіи и истолкованіи правилъ о давности въ практикѣ Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената наблюдаются колебанія, благодаря которымъ въ гражданскія отношенія, находящіяся подъ дѣйствіемъ давности, вносятся такія черты, которыя отнюдь не соответвуютъ духу неотмѣннаго „общаго, кореннаго и основнаго закона о давности“. Эти колебанія замѣтны какъ въ вопросѣ о характерѣ давности, такъ и въ вопросѣ о дѣйствіи давности въ примѣненіи къ различнаго рода имуще-

---

¹⁾ То же постановляетъ ст. 88 Прав. о произв. суд. дѣлъ у земскихъ начальниковъ и гор. судей.

ствамъ. Сенатская практика послѣдняго десятилѣтія рѣзко расходится со взглядами Сената, приводимыми въ кассационныхъ рѣшеніяхъ за первыя 25 лѣтъ дѣйствія уставовъ. Позднѣйшія рѣшенія упраздняютъ присущій по законамъ о давности характеръ этого института, сообщая давности вовсе не принадлежащее ей значеніе. Въ рѣшеніи по дѣлу Кузнецовой (1880—195) Сенатъ высказалъ такое положеніе: „законы о давности не суть правила процессуальныя. Какъ по мѣсту, занимаемому ими въ Сводѣ законовъ, такъ и по своему значенію, *какъ способъ пріобрѣтенія и прекращенія правъ* (?), законы о давности суть правила матеріальнаго права и потому, въ отношеніи дѣйствія во времени, подлежатъ общему правилу, изложенному въ ст. 60 осп. зак. „ Мѣсту, занимаемому правилами о давности въ Сводѣ, придается такимъ образомъ гораздо большее значеніе, чѣмъ тексту самихъ правилъ, а отсюда уже выводится неподлежащее якобы никакому сомнѣнію значеніе давности, какъ способа пріобрѣтенія и прекращенія правъ. Едва-ли, руководствуясь соображеніями о мѣстѣ, занимаемомъ правилами о давности въ Сводѣ, можно прійти къ выводу, что давность есть способъ пріобрѣтенія *правъ*. Въ одномъ лишь случаѣ ст. 533 давность есть дѣйствительно способъ пріобрѣтенія: давность владѣнія приводитъ къ возникновенію *права собственности*. Но, сверхъ собственности, есть ли еще какое-либо иное право, которое могло бы возникнуть благодаря давности? Можно ли по давности пріобрѣсти права семейственныя, наследственныя, обязательственныя, вотчинныя? Развѣ продолжительное внѣбрачное сожитіе превращается въ бракъ, а дѣти, отъ такого сожитія происшедшія, становятся законными? Становится ли наследникомъ обладающій въ теченіе долгаго времени оставшимся послѣ умершаго имуществомъ? Становится ли кредиторомъ, т. е. юридически управомоченнымъ тотъ, кто въ теченіе долгаго времени получалъ отъ другаго лица какія-либо выдачи? Можно ли давностью пріобрѣсть права, напр. залогодержателя, пожизненнаго владѣльца и т. п.?—Обобщеніе Сената относительно давности, какъ способа пріобрѣтенія правъ, также невѣрно,

какъ и другое обобщеніе, рассматривающее давность, какъ способъ *прекращенія правъ*. Выше уже было показано, что не право прекращается давностью, а лишь процессуальная возможность его осуществленія, икъ, какъ особая сила, выдѣлившаяся изъ права матеріальнаго и связывающая двухъ опредѣленныхъ субъектовъ. Слабость аргументаціи рассматриваемаго кассационнаго рѣшенія очевидна: давность не имѣетъ значенія способа пріобрѣтенія и прекращенія правъ; что же касается мѣста, занимаемаго правилами о давности въ Сводѣ Законовъ, то, насколько опасно опредѣлять топографическими признаками характеръ права, видно изъ рѣшенія 1885 г. № 31, гдѣ Сенатъ высказываетъ, что п. 9 прил. къ ст. 694 (п. 6 прил. къ ст. 694 1887 г.) относится къ матеріальному праву, какъ это видно изъ того, что онъ, въ числѣ другихъ постановленій о земской давности, перенесенъ изъ 2 ч. X т., т. е. законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ, дѣйствующихъ въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, въ 1 часть X т., имѣющую примѣненіе какъ въ старыхъ, такъ и въ новыхъ судахъ. Выходитъ, слѣдовательно, что пока законы о давности помѣщались во 2 ч. X т.,—эти законы касались давности процессуальной, а когда они были включены въ 1 ч. X т.,—то стали законами права матеріальнаго. Но аргументація обоихъ рѣшеній ослабляется тѣмъ упущеннымъ изъ вида обстоятельствомъ, что и до перенесенія правилъ о земской давности изъ 2 ч. X т. въ 1 часть сего тома правила эти помѣщались какъ въ той, такъ и въ другой части. По изданію 1832 года статьи 390 и 392 (нынѣ 692 и 694) повторены въ ст. 1651, а при тождествѣ правилъ свода законовъ гражданскихъ съ правиломъ, помѣщеннымъ въ книгѣ о судопроизводствѣ, возможно ли утверждать, что первыя двѣ статьи относятся къ матеріальному праву, а послѣдняя—къ праву процессуальному? Не то важно, въ которой книгѣ свода напечатана та или иная статья, а важно выяснить значеніе и характеръ статьи въ связи съ другими статьями. Ст. 694, а слѣдовательно и приложение къ ней, помѣщена въ главѣ (VII, разд. II кн. II) „о правѣ судебной защиты по имуществамъ“. Если не въ этомъ заглавіи, то

въ содержаніи тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ формулирована ст. 694, и слѣдуетъ искать объясненія, что разумѣть подъ давностью и гдѣ ея мѣсто,—не въ системѣ свода, а въ системѣ дѣйствующаго гражданскаго права. А источники показываютъ, что законодатель, начиная съ манифеста 1787 года, всегда разсматривалъ давность, какъ моментъ, разрушительнымъ образомъ вліяющій на искъ, и не выводилъ отсюда послѣдствій для матеріальнаго права. Выше приведенное обзорѣніе историческаго хода развитія нашихъ законовъ о давности показало, что нынѣшняя 533 ст. лишена корней въ законахъ, на которыхъ она якобы основана, что она—законъ новый, хотя и звившійся не въ установленномъ для изданія законовъ порядкѣ.

Такимъ образомъ оба основанія, по которымъ давность относится теперь Сенатомъ къ правиламъ матеріальнаго права, оказываются призрачными, и потому, имѣя въ виду текстъ законовъ о давности, слѣдуетъ признать, что нашъ законъ—ст. 694 и прил. къ ней—имѣетъ въ виду только исковую давность и не касается матеріальныхъ послѣдствій уничтоженія иска.

Новѣйшая практика Сената по вопросу о характерѣ давности совпадаетъ съ рѣшеніями первыхъ годовъ дѣятельности Гражданскаго Кассационнаго Департамента. Періодъ 1873—1880 г.г. представлялъ собою въ разъясненіяхъ этого вопроса *lucidum intervallum*, послѣ котораго наступило возвращеніе къ прежнимъ взглядамъ.

Колебанія сенатской практики обнаруживаются на истолкованіи одной и той же статьи 220 ч. 2 т. X Свод. Зак. Статья эта, по изданію 1857 года, гласила: „Ежели обязательства предъявлены будутъ ко взысканію по минованіи десяти лѣтъ съ истеченія назначеннаго въ нихъ срока, или, по предъявленіи ихъ ко взысканію, хожденія не будетъ со стороны истца десять лѣтъ сряду, то иски и взысканія уничтожаются“ . . . Въ 1862 г. октября 22 приведенная статья подверглась дополненію (составляющему по изданію 1 ч. X т. 1887 г. содержаніе пункта в ст. 1549): „Зем-

ская давность по долговымъ обязательствамъ безсрочнымъ и выданнымъ срокомъ до востребованія считается со дня представленія такого обязательства ко взысканію“. Надобности въ изданіи этого дополненія къ ст. 220 ч. 2 т. X не было, потому что вопросъ объ исчисленіи давности по договорамъ былъ разрѣшенъ Государственнымъ Совѣтомъ еще въ 1815 г.: . . . „по контрактамъ и обязательствамъ на сроки, закономъ дозволенные далѣе 10 лѣтъ, промолчаніе 10 лѣтъ не имѣетъ мѣста потому, что самыя объ ономъ акты отвращаютъ отъ себя дѣйствіе сего общаго закона“ . . . ¹⁾

Изъ этого позабытаго ²⁾ закона не трудно было бы сдѣлать выводъ, что договоры безсрочныя „отвращаютъ отъ себя дѣйствіе 10 лѣтней давности“; по для этого вывода потребо-

---

¹⁾ I. II. С. З. 1815 г. 21 іюня. № 25883, — п. 5.

²⁾ Любопытно, что въ журналахъ Государственнаго Совѣта (Архивъ Госуд. Совѣта, т. IV, ч. 2, стр. 553—554—1821 г. 16 марта № 8) по Департаменту Законовъ вопросъ о земской давности по обязательствамъ нашелъ правильное разрѣшеніе, по своей простотѣ и логичности могущее служить образцомъ. Въ 1818 году коммерціи совѣтникъ Перетцъ подалъ прошеніе въ С.-Петербургское губернское правленіе о взысканіи съ купца Косенковского по заключенному съ нимъ въ 1804 г. договору о поставкѣ казеннаго провіанта изъ С.-Петербурга въ разные Балтійскіе порты на 335.073 р. 91 к. Губернское правленіе отказало Перетцу на томъ основаніи, что пропущена была 10 лѣтняя давность со дня написанія контракта. Дѣло перешло въ Сенатъ, который полагалъ, что десятилѣтнюю давность слѣдуетъ считать не со дня написанія контракта, на нѣсколь-ко лѣтъ заключеннаго, а съ окончанія срока онаго, когда наступаетъ время къ расчету и расплатѣ, слѣдовательно, и къ началу иска противъ уклоняющагося отъ расчета. Коммисія составленія законовъ нашла, что слова 69 ст. Банк. уст. объ уничтоженіи исковъ „ежели обязательства, по просрочкѣ ихъ, предъявлены будутъ ко взысканію по минованіи уже отъ написанія ихъ 10 лѣтъ“—относятся до простыхъ заемныхъ исковъ, которыя нишутся только на нѣсколько мѣсяцевъ или на годъ, и далѣе слова сей же 69 ст. «или по предъявленію обязательства ко взысканію не будетъ по нимъ хожденія 10 лѣтъ» прямо доказываютъ, что нельзя предъявлять иска безъ окончанія срока обязательству, и что, въ отношеніи къ предлагающему вопросу—съ котораго времени считать давность, со дня ли написанія контракта, или съ окончанія срока онаго, какъ наши законы, такъ и иностранныя прямо опредѣляютъ начало давности съ окончанія срока контракту. Государственный Совѣтъ мнѣніемъ полагаетъ, что десятилѣтнюю давность для уничтоженія взысканія по контракту, на нѣсколько лѣтъ заключенному, должно считать не иначе, какъ съ истеченія срока, назначеннаго для его дѣйствія по взаимному условію.

валось особое Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, которое въ практикѣ Сената разсматривается, какъ новый законъ. Съ этой точки зрѣнія Сенату пришлось остановиться на вопросѣ, подлежитъ ли этотъ новый законъ примѣненію и къ тѣмъ безсрочнымъ договорамъ, которые возникли ранѣе его обпародованія, или дѣйствіе его распространяется лишь на будущее время. Первоначально Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній высказываетъ положеніе, что Высочайше утв. мнѣніе Государственнаго Совѣта 22 октября 1862 года, какъ законъ новый, не распространяется на тѣ безсрочныя обязательства, которыя заключены были до изданія этого закона ¹⁾. Взглядъ этотъ Сенатъ проводилъ очень настойчиво. ²⁾ Но въ то же время, параллельно съ этимъ взглядомъ въ рѣшеніяхъ Сената проводился и другой, совершенно противоположный первому, правильный взглядъ на отношеніе Высоч. утв. мнѣнія Гос. Совѣта 22 октября 1862 г. къ безсрочнымъ обязательствамъ, возникшимъ до 1862 г. ³⁾

---

¹⁾ Рѣш. Гражд. Кас. Деп. Прав. Сената 1869 г. № 601. П. Некрасовъ просилъ взыскать съ И. Некрасова 114 р. по роспискѣ 1834 г. съ обязательствомъ уплатить запятую сумму по первому требованію. Съѣздъ, утвердивъ рѣшеніе мир. судья, на возраженіе отвѣтчика о пропусченіи истцомъ давности, высказался, что примѣч. къ ст. 220 ч. 2 т. X не составляетъ новаго закона, отмѣняющаго какой-либо прежній законъ иного характера и что дѣйствіе давности не можетъ распространяться на росписку, представленную П. Некрасовымъ. Но Сенатъ нашелъ, что до изданія Высоч. утв. мнѣнія Гос. Совѣта 22 октября 1862 г. въ нашемъ законодательствѣ не существовало постановленія о томъ, что давность для заемныхъ обязательствъ, выданныхъ до востребованія, или безсрочныхъ, должна считаться со времени представленія ихъ ко взысканію; что мир. съѣздъ не имѣлъ правильнаго основанія признавать, что примѣч. 220 ст. не составляетъ новаго закона. . . .

²⁾ Рѣш. 1870 г. № 697 по дѣлу тѣхъ же Некрасовыхъ, Ржевскій мир. съѣздъ, куда дѣло было передано по вышеприведенному опредѣленію Сената, рѣшилъ споръ въ томъ же смыслѣ, какъ онъ былъ рѣшенъ и ранѣе; но Сенатъ, приводя свои аргументы изъ рѣшенія 1869 г. № 601 о томъ, что Выс. утв. мнѣніе Г. С. 22 октября 1862 г. есть законъ новый, не распространяющійся на прежнія безсрочныя обязательства, снова отмѣнилъ рѣшеніе съѣзда.—Впрочемъ въ рѣшеніи 1870 г. № 995 новая давность примѣнена и къ срочному обязательству, выданному въ 1851 году и предъявленному ко взысканію въ 1866 г. Ср. еще рѣш. 1871 г. № 727 „окончательно признало, что Выс. утв. мн. Г. С. 22 октября 1862 г. составляетъ законъ новый“; 1871 г. № 219, 729, 613.

³⁾ Такъ, въ рѣш. 1869 г. № 367 „по ст. 220 т. X ч. 2, по прод. 1863 г.

Поэтому въ 1873 году ¹⁾ Сенать объявляетъ: „Хотя въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ Сената и было указано, что дополненіе къ 220 ст. X т. ч. 2, по прод. 1863 г., какъ новый республикованный законъ не относится къ долговымъ обязательствамъ, выданнымъ ранѣе сего времени; но какъ при возникавшихъ по этому вопросу недоразумѣніяхъ въ нѣкоторыхъ другихъ рѣшеніяхъ Правит. Сената выражено несогласно вышеозначенному правилу, то Правит. Сенать счелъ нужнымъ вновь разсмотрѣть сей вопросъ и послѣ новаго всесторонняго обсужденія онаго пришелъ къ тому *окончательному заключенію*, что законъ, выраженный въ дополн. къ ст. 220 X т. 2 ч. по прод. 1863 г., долженъ быть примѣняемъ ко всякимъ долговымъ обязательствамъ безсрочнымъ и выданнымъ срокомъ до востребованія, не исключая и тѣхъ, которыя выданы ранѣе 5 декабря 1862 года, если только со времени ихъ выдачи до 5 декабря 1862 года не прошла земская давность“. ²⁾ Признавая прежде распространеніе ст. 220 т. X ч. 2, по прод. 1863 г. на ранѣе возникшія обязательства нарушеніемъ ст. 60 кн. I зак. осн., Сенать теперь (1874 г. № 420) находитъ, „что примѣненіе къ (ранѣе) выданной роспискѣ закона о новомъ порядкѣ исчисленія давности нельзя признать нарушеніемъ ст. 60 т. I зак. осн., и что присвоеніе новому закону о давности обратной силы обнаружилось бы лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ примѣненъ къ обязательству, по которому давность, на основаніи прежде дѣйствовавшихъ постановленій, окончилась до изданія и обнародованія новаго закона“.

Всѣ эти колебанія, заставляющія Сенать приходитъ къ діаметрально противоположнымъ выводамъ, вращаются около примѣненія ст. 220 ч. 2 т. X, по прод. 1863 г., свидѣтельствуя объ опасеніи нарушить ст. 60 т. I зак. осн. Текстъ этой послѣдней статьи даже не подвергается истол-

---

земская давность для безсрочныхъ обязательствъ считается со дня предъявленія ко взысканію“; 1870 г. № 1616, 1872 г. № 1107; 1873 г. № 556.

¹⁾ Рѣш. 1873 г. № 1609.

²⁾ 1874 г. № 420; 1875 г. № 733, 1877 г. № 302.

кованію, не устанавлюється отношеніе правила, въ ней содержащагося, къ гражданскимъ правамъ; въ относящихся сюда рѣшеніяхъ Сената ст. 60 зак. осн. разсматривается какъ положеніе ясное, не наводящее ни на какія сомнѣнія. Статья эта гласитъ: „Законъ дѣйствуетъ токмо на будущее время. Никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, и сила онаго не распространяется на дѣянія, совершившіяся до его обнародованія“. И такъ, дѣянія, совершившіяся до обнародованія новаго закона, подлежатъ дѣйствию стараго закона, а новый законъ будетъ примѣняться къ тѣмъ дѣяніямъ, которыя окажутся совершившимися послѣ изданія новаго закона. Когда возникаетъ вопросъ о примѣненіи новаго закона о давности, то спрашивается, совершилось ли уже дѣяніе, которое должно подлежать дѣйствию новаго закона? Давность проявляется въ возраженіи на требованіе, облеченное въ форму иска, и воспользоваться этимъ возраженіемъ возможно только тогда, когда искъ предъявленъ: искъ уже предъявленный и будетъ представлять собою то совершившееся дѣяніе (фактъ), къ которому примѣняется новый или старый законъ,—если искъ предъявленъ при дѣйствіи стараго закона о давности, то и возраженіе о давности можетъ быть сдѣлано только на основаніи стараго закона, если же искъ предъявляется уже при дѣйствіи новаго закона о давности, то противъ этого иска можетъ быть сдѣлано возраженіе на основаніи новаго закона. Если бы одна возможность предъявленія иска составляла уже *jus quaesitum* гражданского права, то безъ сомнѣнія это *jus quaesitum* подлежало бы дѣйствию стараго закона о давности, т. е. только возраженіемъ, основаннымъ на законѣ о старой давности, можно было бы отразить притязаніе истца. Но *jus quaesitum* есть то, что уже существуетъ, и получила осязательное проявленіе; то, что только еще можетъ наступить (слѣдовательно еще не наступило, а можетъ быть и не наступитъ), еще не есть *jus quaesitum*, „дѣяніе совершившееся“, и потому къ не проявившейся еще возможности исковаго осуществленія притязанія и не можетъ быть примѣненъ старый законъ, а долженъ быть примѣненъ законъ новый: въ этомъ случаѣ не

будеть наблюдаться обратное дѣйствіе закона. Если слѣдовательно какое-либо правонарушеніе, являющееся основаніемъ иска, произошло при дѣйствіи закона объ общей давности, а искъ предъявляется во время дѣйствіи закона новаго о специальной менѣе продолжительной давности, то этою новою давностью отражается предъявленный искъ, а не давностью времени совершенія правонарушения. Давность приѣмляется къ иску, а не къ праву.

Между тѣмъ Сенатъ, вступивъ въ 1873 г. на правильный путь истолкованія ст. 220 ч. 2 т. X, по прод. 1863 г., признавъ, что распространеніе этого „новаго“ закона на обязательства, заключенныя ранѣе, не составляетъ нарушенія ст. 60 зак. осн.,—хотя это, по существу своему правильное, положеніе и оставлено Сенатомъ безъ мотивировки,—признавъ слѣдовательно, что правила о давности не суть правила матеріальнаго гражданскаго права,—въ 1880 году ¹⁾, на основаніи приведенныхъ выше соображеній, приходитъ къ совершенно противоположному выводу, объявляя правила о давности правилами права матеріальнаго, а не процессуальнаго. Положеніе это, являющееся очевидно новымъ „окончательнымъ выводомъ“, высказано было Сенатомъ по слѣдующему случаю. Истица Кузнецова предъявила 31 іюля 1879 г. къ желѣзной дорогѣ искъ о вознагражденіи за смерть мужа, послѣдовавшую 25 августа 1876 года. 25 января 1878 года послѣдовало Высочайше утв. мнѣніе Госуд. Совѣта (пунктъ составляющее содержаніе ст. 883 ч. 1 т. X), коимъ введена болѣе краткая давность по искамъ потерпѣвшихъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ предиріятій. Окружный судъ удовлетворилъ искъ Кузнецовой, несмотря на возраженія отвѣтчика о пропускѣ давности (по новому закону), но судебная палата, принявъ во вниманіе возраженіе о погашеніи иска давностью (новой), отмѣнила рѣшеніе суда. Сенатъ, разсматривая кассационную жалобу, остановился на вопросѣ о томъ, какой срокъ для предъявленія

---

¹⁾ Рѣш. 1885 г. № 195.

иска, общей ли земской давности или годичный, установленный Высочайше утв. мѣнѣемъ Государственнаго Совѣта 25 января 1878 г., слѣдуетъ примѣнять къ искамъ убытковъ, происшедшихъ отъ смерти или поврежденія здоровья на желѣзной дорогѣ, послѣдовавшимъ до изданія закона 25 января 1878 г. Палата нашла, что законы процессуальныя не подходятъ подъ общее правило ст. 60 и 61 зак. осн. „Дѣйствительно, разсуждаетъ Сенатъ, законы процессуальныя, не создавая новыхъ правъ и не поражая правъ, уже пріобрѣтенныхъ, а охраняя лишь существующія права отъ нарушенія ихъ спора, по самому своему свойству, получаютъ полное дѣйствіе со дня ихъ обнародованія и примѣняются ко всякаго рода дѣламъ, послѣ изданія оныхъ производящимся, хотя бы дѣла возникли изъ дѣйствій, совершенныхъ до изданія сихъ законовъ. Но законы о давности не суть правила процессуальныя“. Сенатъ признаетъ, что къ процессуальнымъ законамъ правило 60 ст. зак. осн. непримѣнимо, примѣнимо значитъ только къ правиламъ матеріальнаго права, это большая посылка; законы давности—суть законы матеріальнаго права: слѣдовательно къ законамъ о давности примѣнимо правило ст. 60 зак. осн. Такой выводъ былъ бы правиленъ, если бы правильна была малая посылка. Но что законы о давности не суть законы права матеріальнаго,—это доказывается и содержаніемъ ихъ текста, и ихъ историческимъ происхожденіемъ. Посему не подкрѣпляютъ заключенія Сената и дальнѣйшія разсужденія. „Коль скоро какое-нибудь право возникло, то размѣръ и предѣлы этого права, а равно возможность осуществленія этого права въ теченіе давностнаго срока путемъ иска должны быть обсуживаемы по закону, дѣйствовавшему въ моментъ возникновенія права. Право на вознагражденія за убытки возникаетъ въ моментъ совершенія дѣйствій, причиняющихъ эти убытки, а потому, въ силу 60 ст. зак. осн., самое это право, а равно возможность осуществленія этого права въ теченіе давностнаго срока путемъ иска, должны быть обсуживаемы по закону, дѣйствовавшему въ моментъ причиненія убытковъ, а некимъ образомъ по законамъ, дѣйствующимъ въ моментъ предъявленія иска. Что

къ возникшему праву примѣняются законы времени возникновенія права,—это не подлежатъ никакому спору. Но порядокъ и способъ осуществленія права не есть само право матеріальное: послѣднее является только основаніемъ, изъ ко-его возникаетъ искъ, а потому вставленное въ сенатскую мотивировку выраженіе „а равно возможность осуществленія этого права путемъ иска“ оказывается не вытекающимъ изъ начала этой мотивировки; обобщеніе представляется невѣрнымъ, потому что касается явленій двухъ различныхъ порядковъ.

Защищая теперь взглядъ, что правила о давности суть правила матеріальнаго права,—сенатская практика пришла къ выводу, что давностью разрушается само матеріальное право, что давность будто бы является общимъ способомъ приобрѣтенія и прекращенія правъ (1880, № 195).

Съ этимъ совершенно неправильнымъ взглядомъ не могутъ быть примирены рѣшенія Сената, касающіяся исковъ о правѣ собственности на недвижимости, основанномъ на актахъ. Если правила о давности суть правила матеріальнаго права, то, казалось бы, незачѣмъ и оперировать съ понятіями давности приобрѣтательной и давности исковой, и одинъ фактъ истеченія давности, т. е. срока, въ теченіе котораго истецъ не пользовался своимъ правомъ, долженъ привести къ прекращенію его права собственности. На самомъ дѣлѣ, какъ совершенно правильно разсуждаетъ Сенатъ ¹⁾, такое явленіе не представляется безусловнымъ послѣдствіемъ неосуществленія права собственности. Если бы давность иска не была давностью процессуальной, то возможна ли была бы постановка того вопроса, на разрѣшеніи котораго останавливается Сенатъ по дѣлу Чеботаревскаго съ Дуровымъ, Бугаковыми и др.? А вопросъ, возбужденный въ этомъ дѣлѣ, формулированъ такъ: „въ правѣ ли отвѣтчикъ, при предъявленіи къ нему иска о недвижимомъ имѣніи, основаннаго на актахъ, установленныхъ на переходъ недвижимыхъ имуществъ, въ подтвержденіе своего возраженія о пропускѣ истцами исковой давности ссылаться на предше-

---

¹⁾ Рѣш. 1891 г. № 68.

ствовавшее его владѣнію—владѣніе этимъ же имѣніемъ другихъ лицъ, если онъ не состоитъ преемникомъ правъ этихъ послѣднихъ?“ Вопросъ этотъ разрѣшенъ Сенатомъ въ отрицательномъ смыслѣ, на основаніи слѣдующихъ вполнѣ правильныхъ соображеній: потеря права собственности можетъ послѣдовать лишь тогда, когда кто-либо, защищаясь противъ иска собственника, противопоставляетъ ему свое право на то же имущество, основанное на доказанномъ приобрѣтеніи тѣхъ же правъ (?) по давности; право на подобный искъ всегда соединено съ понятіемъ о нарушеніи права, и такой искъ долженъ быть предъявленъ къ тому именно отвѣтчику, который нарушаетъ право собственности истца; право на искъ утрачивается только противъ опредѣленнаго нарушенія правъ истца. Возраженіе отвѣтчика противъ такого иска собственника, основанное на приобрѣтеніи имъ имущества въ собственность по давности, по существу своему есть возраженіе личное, непрерывно связанное съ личностью опредѣленнаго правонарушителя и дѣйствіемъ его; какъ таковое оно преемственно, и отвѣтчикъ въ каждомъ данномъ случаѣ обязанъ доказать, что его владѣніе является продолженіемъ владѣнія его предшественника. Этимъ рѣшеніемъ вполнѣ ясно устанавливается процессуальный характеръ нашей давности (за исключеніемъ разумѣется давности владѣнія); всякій искъ, въ теченіе давности не учиненный или учиненный, но оставленный безъ хожденія, да уничтожится, и дѣло да предается вѣчному забвенію.

IV.

Но въ настоящее время оказываются преданными забвенію эти слова манифеста 1787 г., и въ практикѣ Сената сложился взглядъ, что возраженіе о давности можетъ быть противопоставлено не всякому иску, что такое возраженіе не можетъ быть противопоставлено иску церкви о принадлежащихъ ей земляхъ. Взглядъ этотъ, вызвавшій довольно об-

ширную полемику, ¹⁾ высказанъ Правительствующимъ Сенатомъ первоначально въ рѣшеніи 1893 г. № 2 по дѣлу церкви с. Боровицкаго съ Иваномъ Павловымъ о возстановленіи нарушеннаго послѣднимъ владѣнія церковною землею. Фактическая сторона этого спора заключалась въ слѣдующемъ. Повѣренный причта церкви с. Боровицкаго въ поданномъ 21 октября 1889 г. въ Вятскій окружный судъ исковомъ прошеніи изложилъ, что отвѣтчикъ земскій фельдшеръ Павловъ, которому причтомъ разрѣшено было за разныя его услуги поселиться на принадлежащей церкви землѣ, въ 1888 г. произвелъ на этомъ участкѣ постройки и тѣмъ нарушилъ владѣніе причта означенной землею; по симъ основаніямъ причтъ просилъ о возстановленіи своего, нарушеннаго отвѣтчикомъ. Отвѣтчикъ возражалъ, что упомянутыя строенія находятся на его собственной, а не на церковной землѣ, такъ какъ старый участокъ земли принадлежитъ ему на основаніи давности владѣнія, удостовѣренной выданою ему судомъ и предъявленною къ дѣлу данною. Окружный судъ въ искѣ причта отказалъ. Въ апелляціонной жалобѣ повѣренный причта утверждалъ, что застроенная отвѣтчикомъ земля принадлежитъ церкви, въ подтвержденіе чего сослался на планъ и два приговора; что же касается представленной Павловымъ данной, то таковая не можетъ быть принята за доказательство права собственности отвѣтчика, такъ какъ допрошенные въ подтвержденіе давностнаго владѣнія отвѣтчика свидѣтели и допрашиваемы не могли быть, потому что одинъ изъ нихъ осужденъ за кражу со взломомъ, а другой находится подъ надзоромъ полиціи; въ заключеніе повѣренный причта сослался на Высочайше утв. мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 15 ноября 1883 года о неотчуждаемости церковныхъ земель (прилож. къ ст. 401 т. IX по прод. 1890 г.) Казанская судебная палата рѣшеніе Вятскаго окружнаго суда утвердила, не признавъ уважительными доводы, изложенныя въ апелляціонной жалобѣ истца. Палата нашла, что истецъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе того, что отвѣтчикъ завладѣлъ спорною землею въ 1888 г., не представилъ, тогда какъ

¹⁾ См. Анненковъ. Система II стр. 213 и сл.

представленною отвѣтчикомъ данною удостовѣряется принадлежность ему спорной земли на правѣ собственности; что же касается ссылки апеллятора на Высочайше утв. мнѣніе Государственнаго Совѣта 15 ноября 1833 г., то таковымъ, по мнѣнію палаты, устанавливается неотчуждаемость церковныхъ имѣній въ томъ лишь смыслѣ, что имѣнія эти могутъ быть отчуждаемы не иначе, какъ въ опредѣленныхъ особо уважительныхъ случаяхъ и каждый разъ съ особаго Высочайшаго соизволенія, — а до неотчуждаемости церковныхъ земель путемъ давности эти правила никакого отношенія не имѣютъ.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ кассационную жалобу церковнаго причта, нашель, „что споръ по настоящему дѣлу сводится существенно къ слѣдующему вопросу: подлежатъ ли церковныя земли дѣйствию давности, т. е. могутъ ли онѣ быть утрачиваемы силою давности сторонняго владѣнія“? Этотъ вопросъ, слѣдуетъ замѣтить, не вызывалъ никакихъ сомнѣній еще въ 1878 г., когда Сенатъ разсматривалъ въ кассационномъ порядкѣ дѣло причта Троицкой церкви с. Мецеракаго, съ полкесвикомъ Берковымъ ¹⁾. Въ этомъ рѣшеніи Сенатъ, между прочимъ, высказалъ: „въ постановленіяхъ о приобрѣтеніи права собственности посредствомъ владѣнія въ теченіе земской давности *не сдѣлано изъятій въ отношеніи церковныхъ имуществъ*, тогда какъ исключеніе изъ общаго правила о давности законъ допускаетъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ“ ²⁾. Несмотря на это столь категорическое разъясненіе, послѣдовавшее въ 1878 г., Сенатъ въ 1893 г. счелъ нужнымъ поднять вопросъ, примѣняются ли законы о давности къ церковнымъ имуществамъ. Вспомнивъ о рѣшеніи 1878 г. № 193, Сенатъ въ настоящемъ случаѣ прибѣгнулъ къ чрезвычайно своеобразной мотивировкѣ возбужденнаго вопроса. Съ точки зрѣнія юридической логики, совершенно понятно, что всякое исключеніе изъ общаго правила должно быть точно указано

¹⁾ Рѣш. 1878 г. № 193.

²⁾ Рѣш. 1869 г. № 10. Эти случаи указаны въ рѣшен.: ст. 13 т. IX, ст. 126, 563, 564, 2108 т. X ч. 1, по прод. 1863 г.

въ законѣ. Сенатъ, однако, отправляется отъ иной точки зрѣнія. Хотя „не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ или другія исключенія изъ общаго установленнаго закономъ правила могутъ имѣть мѣсто лишь въ случаяхъ, опредѣленно въ законѣ означенныхъ, и потому никакое изъятіе изъ общаго правила не можетъ быть допущено, если оно не выражено въ самомъ законѣ,—но не подлежитъ также сомнѣнію, что тѣ или другія изъ общаго правила изъятія не всегда *прямо* указываются въ самомъ законѣ. Нерѣдко дѣйствительное ихъ существованіе раскрывается изъ такихъ правилъ, самое содержаніе которыхъ указываетъ на непримѣнимость въ томъ или другомъ случаѣ общаго правила, хотя о томъ въ законѣ не упомянуто.

Ставъ на такую сомнительную точку зрѣнія, разсматриваемое кассационное рѣшеніе стремилось не столько уловить эти прямо невыраженные, но подразумеваемые исключенія изъ общаго правила, сколько создать по крайней мѣрѣ одно такое исключеніе въ интересахъ церковныхъ имуществъ. Аргументація рѣшенія открывається исторической справкой о томъ, какими имуществами владѣли церкви и монастыри, начиная съ XV вѣка. Въ справкѣ приводятся общезвѣстные свѣдѣнія о надѣленіи церкви земельными угодьями, упоминается вскользь и о секуляризаціи церковныхъ земель въ XVI и въ XVIII в. в., и объ Екатерининской межевой инструкціи. Но при обзорѣ источниковъ Свода по Полному Собранію Законовъ кассационное рѣшеніе тщательно обходитъ все тѣ законодательные акты, которые касаются установленія давности въ примѣненіи ко всякимъ искамъ о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ. Въ стремленіи уловить исключенія упущено разсмотрѣніе того общаго правила, изъятіемъ изъ коего должна быть мнимая привилегія церкви. Манифестъ 1787 г., являющійся основаніемъ и ключомъ ко всему ученію о давности, не упомянуть въ рѣшеніи ни единымъ словомъ; также точно не упомянуть и тотъ слободской указъ, въ коемъ изложено мнѣніе Государственнаго Совѣта 1835 г. „о распространеніи 10 лѣтней давности на дѣла о церковной собственности въ Имеретіи“; этотъ послѣдній указъ, имѣю-

щій, судя по заглавію, какъ бы мѣстное значеніе, на самомъ дѣлѣ содержитъ въ себѣ положенія общаго характера и заключаетъ въ себѣ категорическій отвѣтъ на тотъ вопросъ, который сочтено было нужнымъ возбудить и рѣшить въ сенатской практикѣ 1893 г. Указъ этотъ, какъ уже было замѣчено выше, состоялся въ отвѣтъ на ходатайство экзарха Грузіи о нераспространеніи на церковныя имущества Имеретіи 10 лѣтней давности. Представитель грузинскаго экзархата отстаивалъ тѣ привилегіи, которыми пользовалась церковь по дѣйствовавшимъ мѣстнымъ законамъ, до введенія правила 4 п. манифеста 1787 г. По уложенію царя Вахтанга ¹⁾, давность (30 лѣтняя) существовала только для споровъ о крестьянахъ (ст. 202). По законамъ Агбучи (ст. 43) прямо отрицается какая бы то ни была давность на иски о недвижимомъ имѣніи ²⁾. Греческими законами ³⁾ установлена давность съ особыми льготами въ пользу церкви: ст. 16 — „когда возникаетъ споръ о церковномъ имѣніи, то разборъ и судъ по оному производить до тридцати и сорока лѣтъ. Такъ должно рѣшать спорныя объ имѣніяхъ дѣла между двумя церквами.“

Если бы во время изданія синодскаго указа 1835 г. для церковныхъ имуществъ въ предѣлахъ Имперіи дѣйствовали по вопросу о давности какія-либо особыя правила, то разумѣется ходатайство экзарха о нераспространеніи на Имеретію закона о десятилѣтней давности было бы удовлетворено по соображенію съ привилегированнымъ положеніемъ церкви Россійской въ имущественныхъ дѣлахъ. Извѣстенъ однако отвѣтъ Государственнаго Совѣта, куда по Высочайшему повелѣнію передано было ходатайство экзарха: „общій, коренной законъ о десятилѣтней давности есть постановленіе, охраняющее неприкосновенность владѣнія каждаго; оный рас-

---

¹⁾ Сборникъ законовъ царя Вахтанга. VI. Тифлисъ. 1887.

²⁾ Ibid., стр. 104. „Ежели кто владѣетъ чьимъ нибудь недвижимымъ имѣніемъ по уступкѣ отъ хозяевъ или по какимъ ни есть обстоятельствамъ, а хозяинъ при всѣхъ своихъ стараніяхъ и жалобахъ не получилъ онаго, то никакое пропущеніе времени не лишаетъ его права отыскивать свое имѣніе“.

³⁾ Ibid., стр. 165.

пространенъ не только на *всѣ* области, въ Россійскомъ владѣннн находящіяся, и на *всѣ дѣла*, въ оныхъ произвождащіяся, но и собственно на Грузію (по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 2 апрѣля 1827 г.); если допустить пннѣ изыатія изъ сего закона единственно для имѣннй церковныхъ въ Имеретнн, то сіе подало бы поводъ къ возрожденію новыхъ, безконечныхъ споровъ и притязаннй къ такимъ недвижимымъ имѣннямъ, коихъ спокойное владѣнне утверждалось общими для всѣхъ законами и на основаннн коихъ имѣннн снн отъ первыхъ владѣльцевъ могли перейти уже по наслѣдству, куплѣ и продажѣ въ разныя сторонннн руки.“ Указъ этотъ издавъ уже при дѣйствнн Свода изданнн 1832 г., т. е. при существованнн давности владѣннн. Если не сочтено было возможнымъ сдѣлать *изыатія* въ пользу церковныхъ имѣннй въ Имеретнн, чтобы не нарушать неизблемости общаго, кореннаго закона о давности, примѣняемаго въ одинаковой мѣрѣ ко всѣмъ дѣламъ и во всѣхъ областяхъ Россійской Импернн, то очевидно законодатель и не дѣлалъ никакого исключеннн для какого бы то ни было рода имуществъ: всякнй истецъ, кто бы онъ ни былъ, могъ встрѣтнть непреоборимое возраженне со ссылкой на пропускъ давности, и, по изданнн Свода 1832 г., на прнобрѣтенне въ собственность спорнаго имѣннн въ силу истеченнн давности при наличности указанныхъ въ законѣ предположеннй.

Если бы при разсмотрѣннн кассационной жалобы причта церкви с. Боровнцкаго на рѣшенне Казанской судебной палаты прнннато было въ соображенне происхожденне дѣйствующаго закона о давности владѣннн, то и самый вопросъ о томъ, подлежатъ ли давностному завладѣннн церковныя земли, не могъ бы возникнуть,—помимо, разумѣется, желаннн установить, путемъ судебной практики, огражденне церковныхъ имуществъ отъ завладѣннн посторонними лицами. Гдѣ есть искъ объ имуществѣ,—тамъ есть и давность иска, какъ возраженне противъ исковаго требованнн. Давностью всякнй искъ уничтожается, уничтожается слѣдовательно и искъ церковнаго причта о принадлежащей церкви землѣ. Незпающее

исключеній правило 4-го пункта манифеста 1787 года дѣйствуетъ и по сей день въ статьяхъ Свода, гдѣ на него сдѣланы ссылки. Никогда это категорическое правило не подвергалось измѣненію или ослабленію, а отстраненіе притязаній Имеретинской церкви о сохраненіи старыхъ ея привилегій въ вопросѣ о давности показываетъ, что законодателю чужды были какія бы то ни было послабленія въ чьихъ бы то ни было интересахъ по вопросу о давности.

Въ поискахъ закона, который содержалъ бы въ себѣ тайное исключеніе изъ прямого правила, Сенатъ остановился на ст. 401, т. IX Свод. Зак. Статья эта, по издачію 1876 г. гласила: „церковныя земли и другія имѣющіяся при церквяхъ угодія, остаются всегда неприкосновенною церковною собственностью и ограждаются отъ всякихъ постороннихъ притязаній“. 15-го ноября 1883 года Высочайше утверждено было мѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ и дополнена ст. 401. Новый законъ постановилъ, что „земли, отведенныя церквамъ отъ прихожанъ для довольствія причтовъ, не подлежатъ отчужденію; частныя изыятія изъ сего общаго правила допускаются лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ, когда продажа или обмѣнъ такой земли или части оной представляютъ существенныя для церкви выгоды; отчужденіе церковныхъ земель, какъ принадлежащихъ церквамъ по прежнимъ дачамъ, писцовымъ книгамъ и повѣйшимъ укрѣпленіямъ, такъ и отведенныхъ отъ прихожанъ для довольствія причтовъ, производится не иначе, какъ съ особаго каждый разъ Высочайшаго соизволенія“.

Сравнивая этотъ новый законъ со ст. 401, т. IX, не трудно замѣтить, что новый законъ является лишь развитіемъ того положенія, которое содержится въ ст. 401 по издачію 1876 года; церковныя земли по прежнему являются неприкосновенною собственностью церкви, онѣ не подлежатъ отчужденію со стороны тѣхъ лицъ, которыя ими пользуются ¹⁾, а буде представится выгода въ ихъ отчужденіи, то такое производится не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія. Въ этомъ законѣ и содержится будто бы тайное исключеніе изъ явнаго правила. Но если въ 401 ст. т. IX усматривать

сдѣланное законодателемъ изъятіе изъ общаго правила о давности въ пользу церкви, то подобныхъ изъятій можно установить гораздо больше—въ интересахъ каждаго субъекта права собственности. По ст. 420 ч. 1 т. X собственникомъ является тотъ, кто, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ имущества, по законному укрѣпленію его въ частную принадлежность, получилъ власть, въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться онымъ вѣчно и потомственно, доколѣ не передастъ сей власти другому, или кому власть сія отъ перваго ея пріобрѣтателя дошла непосредственно или чрезъ послѣдующія законныя передачи и укрѣпленія. На основаніи этой статьи закона, каждый собственникъ, лишившись владѣнія своимъ имѣніемъ, могъ бы утверждать, что ему, какъ собственнику, принадлежитъ власть исключительная и независимая отъ лица посторонняго *вѣчно и потомственно* владѣть, пользоваться и распоряжаться имуществомъ (не состоящимъ въ его обладаніи). Не слѣдовало ли бы признать, что въ этомъ вѣчномъ и потомственномъ правѣ собственника *implicite* заключается изъятіе изъ общаго правила о томъ, что кто иска о своемъ имуществѣ въ теченіе 10 лѣтъ не предъявилъ, тотъ теряетъ свое право на искъ, и что, сколько бы времени противная сторона ни владѣла принадлежавшимъ истцу имуществомъ, таковое не становится собственностью отвѣтчика? Всякое право собственности есть право исключительное и независимое отъ лица посторонняго, всякое право собственности ограждается отъ постороннихъ притязаній; а признакъ вѣчности и потомственности, казалось бы, долженъ сообщать этому праву неприкосновенность по отношенію ко всякому

---

¹⁾ Объ этомъ говоритъ ст. 403 изд. 1876 г.: „Церковныя земли состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи наличныхъ, при церкви состоящихъ священнослужителей и церковныхъ причетниковъ, но оныя навсегда должны оставаться церковною принадлежностью; почему священнослужители и церковные причетники не могутъ не только продавать ихъ, оставлять кому-либо въ наслѣдство, или иначе перекрѣплять, но и отдавать оныя въ закладъ“.

постороннему лицу. И тѣмъ не менѣе законъ не только не дѣлаеть подобнаго вывода въ ст. 692 ч. 1 т. X, а, напротивъ, въ ст. 533 указываетъ, что собственность одного субъекта прекращается, если благодаря давностному владѣнію возникнетъ на то же имущество право собственности для другаго лица.

Далѣе ст. 326 т. IX гласить: „дворянинъ не можетъ быть безъ суда лишенъ имѣнія“. Не заключается ли въ этой статьѣ тайнаго исключенія изъ правила 533 ст. ч. 1 т. X? Дворянинъ землевладѣлецъ иска о своей землѣ не предъявлялъ въ теченіе 10 лѣтъ, а между тѣмъ землею его завладѣло постороннее лицо, и владѣло таковою спокойно, безспорно и непрерывно въ видѣ собственности въ теченіе тѣхъ же 10 лѣтъ. По общему правилу, такое владѣніе *превращается* въ право собственности. Давностный владѣлецъ могъ исходатайствовать себѣ и данную. Но опредѣленіе суда объ укрѣпленіи имѣнія за владѣльцемъ по праву давности не касается дворянина землевладѣльца, который могъ и не знать о выдачѣ данной. И вотъ, имущество укрѣплено за новымъ владѣльцемъ на правѣ собственности, а дворянинъ лишился своего имущества безъ суда. Не примѣнить ли здѣсь статью 326 т. IX, ограждающую права дворянина на его имѣніе? Въ статьѣ этой, съ точки зрѣнія рѣшенія 1893 г. № 2, нельзя не усмотрѣть прикрытое исключеніе изъ общаго правила, изображеннаго въ ст. 692 и 533 ч. 1 т. X.

Но не для однихъ дворянъ будетъ дѣйствовать благотельное тайное исключеніе изъ явнаго правила. Крестьянамъ земли надѣльныя предоставлены въ постоянное пользованіе, превращающееся по выкупѣ въ право собственности. Въ случаѣ завладѣнія надѣльной земли, общественной или въ подворномъ пользованіи состоящей, со стороны чужаго лица, не представляется ли для крестьянина основанія утверждать, что его участокъ не можетъ стать чьею бы то ни было собственностью, на основаніи спокойнаго, безспорнаго и непрерывнаго въ видѣ собственности давностнаго владѣнія, потому, во первыхъ, что оспариваемая земля предоставлена крестьянамъ въ *постоянное* пользованіе, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе

того, что крестьянскія земли, по закону 14 декабря 1893 года, отличаются ограниченной оборотоспособностью, считаются неотчуждаемыми за предѣлы круга лицъ, входящихъ въ составъ даннаго крестьянскаго общества. Неотчуждаемы церковныя земли, по ст. 401 т. IX по прод. 1890 г.; неотчуждаемы крестьянскія надѣльныя земли — по закону 14 декабря 1893 г.: вслѣдствіе неотчуждаемости церковныя земли, по толкованію Сената, не могутъ подлежать завладѣнію по давности, — значить и крестьянскія надѣльныя земли, если бы ими завладѣль не крестьянинъ, или крестьянинъ, не принадлежащій къ данному крестьянскому обществу, не могутъ быть пріобрѣтены въ собственность по давности владѣнія. Наконецъ, всѣ юридическія лица, опираясь на ст. 420 ч. 1 т. X, по которой право собственности характеризуется какъ право вѣчное, имѣютъ основаніе игнорировать то обстоятельство, что принадлежащее имъ по укрѣпленію имущество или часть онаго оказалось во владѣніи посторонняго лица, которое осуществляло владѣніе въ видѣ собственности спокойно, непрерывно и безспорно въ теченіе 10 лѣтъ. Къ кому же будетъ примѣняться статья 533? Очевидно, такихъ имуществъ, которыя могли бы подвергнуться завладѣнію по праву давности, вовсе не существуетъ, потому что каждый собственникъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, можетъ утверждать, что къ его имуществу давность въ пользу противной стороны непримѣнима, что его право пользуется благодѣтельнымъ тайнымъ изъятіемъ изъ общаго правила. — Къ такому выводу неизбѣжно надлежитъ прійти, если допустить существованіе тайныхъ, прямо не выраженныхъ, исключеній изъ общихъ правилъ. Но такой выводъ ошибоченъ, потому что онъ сдѣланъ на основаніи явно неправильной посылки: тайныхъ исключеній изъ явныхъ общихъ правилъ законъ не знаетъ. Исключенія существуютъ постольку, поскольку они прямо выражены, какъ изъятія изъ общаго правила. Законъ гласитъ, что *каждый* не предъявившій своего иска въ теченіе давностнаго срока, теряетъ свое право (иска); законъ категорически, безъ всякихъ въ чью бы то ни было пользу исключеній, говоритъ, что владѣніе, при

паличности точно указанныхъ признаковъ, превращается въ право собственности: значить, противъ кого бы искъ собственника ни былъ направленъ, кто бы ни былъ собственникомъ, каково бы ни было имущество, являющееся предметомъ иска, во всякомъ случаѣ десятилѣтнее неосуществленіе исковаго права приводитъ къ потерѣ иска, а десятилѣтнее провладѣніе имуществомъ, при паличности признаковъ ст. 533, превращаетъ владѣніе въ право собственности. Эти общія правила знаютъ только тѣ исключенія, которыя положительно выражены въ законѣ; а мнимыя исключенія изъ общаго правила въ законѣ не выражены и не суть исключенія. Эти предполагаемыя исключенія могутъ казаться таковыми или вслѣдствіе игнорированія объема общаго правила, или же вслѣдствіе предвзятой мысли о существованіи въ нашемъ правѣ такихъ изъятій, какія имѣются въ другихъ законодательствахъ.

Но допустимъ даже, что ст. 401 т. IX по прод. 1890 года слѣдуетъ интерпретировать въ томъ смыслѣ, что ею ограждаются церковныя имущества и противъ пригизаній давности владѣльцевъ. Вытекаетъ ли такая интерпретація изъ текста разсматриваемой статьи и изъ тѣхъ законодательныхъ источниковъ, на которыхъ статья эта основана? По манифесту о межеваніи и по межевой инструкціи повелѣно было отмежевывать къ церквамъ по 33 десятины земли для обезпеченія быта приходскаго духовенства. Въ 1798 году явилась мысль эти обязательныя церковныя надѣлы предоставить въ пользованіе прихожанъ, чтобы они, обрабатывая эту землю, доставляли приходскому духовенству необходимыя средства на содержаніе въ натурѣ; мотивомъ къ такому мѣропріятію послужило то соображеніе, что воздѣлывать землю несовмѣстно съ церковнымъ сапомъ. Составленный въ этомъ смыслѣ докладъ Синода и Сената „о обработываніи церковныхъ земель прихожанами“ удостоился Высочайшаго утвержденія 11 января 1798 года¹⁾. Но уже черезъ три года эта мѣра была отмѣнена, и въ именномъ

¹⁾ 1 П. С. З. № 18316. 1798 г., января 11. Высочайше утвержд. докладъ

указъ 3 апрѣля 1801 года ¹⁾ были приведены подробные мотивы отмѣны предшествующаго повелѣнія: въ занятіи духовенства земледѣліемъ не только не усматривается чего-либо унижающаго духовный санъ, но наоборотъ, духовенство, такъ близко стоящее къ народу, нуждающемуся въ просвѣтительной дѣятельности церкви, должно собою подавать примѣръ сельскому населенію и не гнущаться воздѣльваніемъ земли. Церковные надѣлы въ 33 десятины должны быть предоставлены въ непосредственное пользованіе приходскаго духовенства. Впрочемъ надѣленіе церковей землею еще долгое время не было осуществлено, какъ видно изъ Именнаго указа Синоду отъ 6 декабря 1829 г. „Объ усиленіи вѣщшихъ способовъ къ образованію духовнаго юношества и къ обезпеченію церковныхъ причтовъ въ безбѣдномъ содержаніи ²⁾“.

Въ § 10 этого указа сказано: „послику многія селенія церкви не снабжены еще полнымъ узаконеннымъ количествомъ земли, а при иныхъ церквахъ отмежеванныя земли по разнымъ случаямъ состоятъ въ спорѣ, то подтверждается, чтобы гражданскія начальства отмежеваніе церквамъ узаконеннаго количества земли и дополненіе оной, гдѣ не достаетъ въ сіе количество, равно рѣшеніе спорныхъ о таковыхъ земляхъ дѣль производили неупустительно и пемедленно; и чтобы затѣмъ земли сего рода, такъ и другія, гдѣ есть при церквахъ угодія, оставались навсегда неприкосновенною собственностью церковною и ограждаемы были отъ всякихъ постороннихъ притязаній“.

Въ какомъ порядкѣ должно производиться это огражденіе церковныхъ имуществъ, — объ этомъ въ указѣ 1829 года ничего не сказано. Сдѣлано было такое указаніе позже въ Высочайше утвержденномъ „Положеніи объ обезпеченіи православноаго сельскаго духовенства землями, домами и единовременными пособіями въ губерніяхъ Витебской, Могилев-

---

св. Синода и Сената.—Показанный подъ ст. 403, т. IX, указъ 8 мая 1779 г., I. П. С. З. № 14873) имѣетъ только мѣстное значеніе для церквей С.-Петербурга.

¹⁾ 1 П. С. З. № 19816. Именной указъ 3 апрѣля 1801 г.

²⁾ 2 П. С. З. № 3323. 1829 г., 6 декабря.

ской, Минской, Виленской, Гродненской, въ Ковельскомъ и Овручскомъ уѣздахъ Волынской губ. и въ Бѣлостокской области ¹⁾“. Въ отдѣленіи I этого положенія (ст. 1—6) опредѣляется количество десятинъ, подлежащихъ надѣленію въ пользу каждаго прихода; отдѣленіе II (ст. 7—16) озаглавлено „Неприкосновенность церковныхъ земель и мѣры охраненія оныхъ“; здѣсь въ ст. 8 содержится такое постановленіе: „земли церковныя отъ постороннихъ притязаній ограждаются тѣмъ же порядкомъ производства дѣлъ объ оныхъ, какой установленъ въ огражденіе неприкосновенности государственныхъ имуществъ“. Всѣ приведенныя узаконенія ²⁾ показаны въ качествѣ источниковъ ст. 430 т. IX свод. зак., находящейся въ непосредственной связи съ ст. 401. По изданію 1876 г. ст. 403 т. IX формулирована такъ: „Церковныя земли состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи наличныхъ, при церквахъ состоящихъ, священнослужителей и церковныхъ причетниковъ, но оныя навсегда должны оставаться церковною принадлежностью; почему священнослужители и церковные причетники не могутъ не только продавать ихъ, или иначе перекрѣплять, но и отдавать оныя въ закладъ“.—Обозрѣніе источниковъ 401 и 403 ст. показываетъ, что церковныя недвижимыя имущества не разсматриваются, какъ достойныя наличныхъ членовъ причта, а являются объектомъ права собственности учрежденія церкви, — почему естественно имущества эти и не могутъ быть отчуждаемы наличными членами причта, такъ же точно, какъ никакое недвижимое имущество, принадлежащее публичному юридическому лицу, не можетъ быть отчуждаемо по усмотрѣнію завѣдующихъ такимъ имуществомъ органовъ. И если церковныя педвижимости, могутъ быть отчуждаемы не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, то этимъ новымъ правиломъ (Высочайше утв. мп. Госуд. Совѣта 15 ноября 1883 года)

---

¹⁾ 2 II. С. З. № 15872. 1842 г. іюля 20.

²⁾ Показаны еще подъ ст. 403 Высочайше утв. мнѣнія Госуд. Совѣта 26 мая 1869 г. (2 II. С. З. № 47138), 11 мая 1870 г. (48343) и 15 марта 1871 г. (49361), —не пмѣющія прямаго отношенія къ надѣленію церковей землею.

только подчеркивается особый характеръ и цѣль надѣленія церковныхъ причтовъ земельными угодіями.—Законъ запрещаетъ *отчуждать* церковныя земли. Отчужденіе предполагаетъ соответствующее волеизъявленіе со стороны того лица, отъ котораго имущество пріобрѣтается другимъ лицомъ. При отчужденіи имущества пріобрѣтатель является правопреемникомъ того субъекта, который отчуждаетъ отъ себя имущество; между обѣими сторонами—отчуждающей и пріобрѣтающей—возникаетъ связь юридическаго преемства, зависимость права пріобрѣтателя отъ права праводателя, съ соблюденіемъ общаго юридическаго правила *plus juris in alium transferre potest quam ipse habeat*. Ничего подобнаго не наблюдается при дѣйствіи пріобрѣтенія права собственности по давности владѣнія. Давность владѣнія есть первообразный, а не производный способъ пріобрѣтенія права собственности. Давностный владѣлецъ не есть правопреемникъ первоначальнаго собственника; для него, въ силу положительной нормы закона, совершенно независимо отъ воли первоначальнаго собственника, возникаетъ право исключительное и независимое отъ лица посторонняго; давностный владѣлецъ является „первымъ пріобрѣтателемъ имущества“, а отнюдь не лицомъ, къ которому „имущество перешло чрезъ послѣдующія законныя передачи и укрѣпленія“; владѣлецъ давностный превращается въ собственника не потому, что состоящее въ его владѣніи имущество принадлежало прежде другому собственнику, а только потому, что владѣніе его было спокойнымъ, непрерывнымъ и безспорнымъ и продолжалось въ видѣ собственности въ теченіе закономъ установленнаго срока. Значитъ, въ давности владѣнія нѣтъ отчужденія, т. е. перенесенія права съ одной стороны и пріобрѣтенія того же права другою стороною; вслѣдствіе давности владѣнія возникаетъ *такое же* право для владѣльца, какое было прежде у собственника, но это вновь возникшее право не то право, которое было у первоначальнаго собственника: здѣсь имѣется новое право, подобное прежнему по своему объекту, по объему правомочій субъектовъ, но отличающееся отъ первоначальнаго по лицамъ и

по основаніямъ; прежде былъ одинъ субъектъ, теперь другой, прежде право собственности основывалось на такомъ или иномъ титулѣ, теперь оно основывается безусловно на титулѣ перваго приобрѣтенія. Если законъ воспрещаетъ отчужденіе имущества,—это означаетъ лишь, что субъектъ права на данное имущество поставленъ въ невозможность передачи своего права другому лицу; но воспрещеніе отчужденій отнюдь не означаетъ, что данное имущество, помимо воли его субъекта, не можетъ стать объектомъ права другого лица, которое само по себѣ способно къ приобрѣтенію правъ. Неотчуждаемость церковной земли можетъ быть понимаема въ томъ лишь смыслѣ, что волеизъявленіе субъектовъ, призванныхъ къ осуществленію назначенія церковной недвижимости, волеизъявленіе, направленное на перенесеніе права собственности на церковное имущество на другое лицо,—недостаточно само по себѣ; юридическія послѣдствія такого волеизъявленія въ томъ только случаѣ приведутъ къ признаваемой субъектами волеизъявленія цѣли, если волеизъявленіе будетъ основано на предшествующемъ ему Высочайшемъ соизволеніи. Воспрещеніе отчуждать церковную недвижимость не заключаетъ въ себѣ тайнаго исключенія изъ правила о приобрѣтеніи имущества въ собственность посредствомъ давности владѣнія; объявленіе церковной земли неприкосновенною собственностью церкви не создаетъ какой-либо привилегіи для церковныхъ имуществъ: неприкосновенна всякая собственность, кто бы ни былъ ея субъектомъ. Нарушеніе правъ церкви на принадлежащія ей недвижимости вызываетъ со стороны судебныхъ мѣстъ, по инициативѣ заинтересованныхъ лицъ, такую же дѣятельность, какая проявляется судебными мѣстами въ спорахъ о казенномъ имуществѣ ¹⁾. Въ процессуальномъ отношеніи дѣла казны, а слѣдовательно и церкви, обставлены различными привилегіями,

---

¹⁾ Ст. 829 ч. 2 т. X, изд. 1857 г. „Дѣла тяжбыя монастырей, церквей, архіерейскихъ домовъ и другихъ духовныхъ установленій производятся въ судебныхъ мѣстахъ на томъ же основаніи, какъ и тяжбыя дѣла казны.“ Ср. уст. гражд. суд., ст. 1232.

но ни старыя законы судопроизводства, ни уставъ гражданскаго судопроизводства не содержатъ въ себѣ правила, по которому законы о давности не примѣнялись бы къ казеннымъ и церковнымъ имуществамъ. Что казенныя, а слѣдовательно ¹⁾ и церковныя, имущества могутъ стать предметомъ завладѣнія со стороны частныхъ лицъ, объ этомъ говоритъ гл. III разд. I кн. III уст. гражд. суд. (ст. 1310—1315): установленъ здѣсь особый порядокъ для опредѣленія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, начальнаго момента шестимѣсячнаго срока (ст. 1311), но въ существѣ своемъ искъ о возстановленіи нарушеннаго частнымъ лицомъ владѣнія казны (церкви) подчиненъ тѣмъ же правиламъ, какія примѣняются и къ случаямъ завладѣнія частными имуществами. Если бы даже и допустить, что редакція статей 401 и 403 т. IX, изд. 1876 г., способна привести къ заключенію, будто бы статьи эти содержатъ въ себѣ тайную отмѣну, въ интересахъ церкви, законовъ о давности, то, при дѣйствительномъ намѣреніи законодателя поставить церковныя имущества въ привилегированное положеніе, возможно ли допустить, чтобы въ такомъ систематическомъ кодексѣ, какъ уставъ гражданскаго судопроизводства, изъятіе изъ общаго правила о давности осталось бы неотмѣченнымъ? Возможно ли въ особености допустить, чтобы новѣйшій относящійся сюда законъ — Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 15 ноября 1883 года — преминуть бы подчеркнуть, что „неотчуждаемость“ церковныхъ имуществъ объемлетъ и изъятіе этихъ имуществъ изъ подъ дѣйствія законовъ о давности, какъ давности погасительной, такъ и давности владѣнія?

Итакъ, ни новыя законы о церковныхъ имуществамъ, ни прежніе законодательные акты, на основаніи которыхъ формулированы ст. 401 и 403 т. IX, не изъемятъ церковныхъ имуществъ изъ-подъ дѣйствія давности; тайныхъ

---

¹⁾ Ст. 1282 уст. гражд. суд. „Дѣлами казеннаго управленія признаются . . . дѣла монастырей, церквей, архіерейскихъ домовъ и всѣхъ христіанскихъ и магометанскихъ духовныхъ учрежденій“.

исключеній изъ явныхъ общихъ правилъ законы не знаютъ; для чего нѣтъ исключенія, то подлежитъ дѣйствию общаго правила, и слѣдовательно ст. 692 и 533 ч. 1 т. X должны найти свое полное примѣненіе къ церковнымъ имуществамъ. Рѣшеніе Сената по дѣлу причта с. Боровицкаго съ Павловымъ не можетъ быть признано правильнымъ ни съ точки зрѣнія исторической, ни съ точки зрѣнія юридической.

V.

Тамъ, гдѣ законодатель намѣренъ былъ создать изъятіе изъ законовъ о давности, тамъ изъятія существуютъ: таковы изъятія ст. 563 и 564 ч. 1 т. X; первая изъ нихъ говоритъ о непримѣнимости давности къ межамъ генеральнаго межеванія ¹⁾, вторая объявляетъ имѣнія заповѣдныя неподлежащими дѣйствию земской давности ²⁾. Первая изъ этихъ статей не вызываетъ сомнѣнія: межа—объектъ вѣноборотный; нарушеніе межи вызоветъ не искъ, какъ проявленіе частнаго права, а своеобразныя мѣры, направленныя къ возстановленію границы генеральнаго межеванія ³⁾. Въ иномъ положеніи находится заповѣдное имѣніе. Хотя заповѣдныя имѣнія оказываются объектомъ съ весьма ограниченою оборотоспособностью, а законъ прямо говоритъ, что въ случаѣ завладѣнія ими дѣйствию земской давности не можетъ имѣть мѣста, но здѣсь возможно такое сомнѣніе: по давности владѣнія заповѣдное имѣніе не можетъ обратиться въ объектъ права собственности давностнаго владѣльца; но устранила ли для владѣльца, а слѣдовательно и нарушителя цѣлости заповѣднаго имѣнія, возможность прибѣгнуть къ возраженію объ истеченіи давности исковой въ случаѣ предьявленія иска со стороны заповѣднаго вла-

---

¹⁾ „Межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностію владѣнія“...

²⁾ „Имущества, обращенныя въ заповѣдныя, не подлежатъ дѣйствию земской давности, въ случаѣ неправильнаго ими, или же частію ихъ, завладѣнія“.

³⁾ Т. X ч. 3, изд. 1857 г., по прод. ст. 414—621.

дѣльца? Источникъ, откуда заимствована ст. 564,—Положеніе о наслѣдственныхъ заповѣдныхъ имѣніяхъ ¹⁾—не касается этого вопроса, ограничиваясь лишь указаніемъ, что дѣйствию земской давности заповѣдныя имѣнія не подлежатъ. Въ предшествовавшемъ этому закону изданіи свода 1842 г. имѣлась уже статья, вполне соотвѣтствующая нынѣшней 557 ст. ч. 1 т. X, именно ст. 475: „Земскою давностью или давностью владѣнія называется спокойное и безспорное продолженіе онаго въ теченіе закономъ опредѣленнаго времени, которое называется срокомъ давности“; впрочемъ и въ ст. 558 и 560, изд. 1842 г. ²⁾ пресѣкающая иски давность именуется земскою давностью. Если поэтому ст. 39 положенія о наслѣдственныхъ заповѣдныхъ имѣніяхъ говоритъ, что заповѣдныя имѣнія не подлежатъ дѣйствию земской давности, то правило это можетъ быть понимаемо въ томъ лишь смыслѣ, что всѣ правила о земской давности, т. е. какъ давности владѣнія, такъ и давности исковой, не находятъ себѣ примѣненія къ заповѣднымъ имѣніямъ: владѣльцу такого имѣнія нечего опасаться не только того, что всѣмъ или частію имѣнія завладѣль кто-либо, но и того, что владѣніе продолжается болѣе десяти лѣтъ, потому что владѣлецъ, сколько бы онъ ни владѣль, собственникомъ не станетъ, и, что еще важнѣе, владѣлецъ никогда не можетъ противопоставить иску заповѣднаго владѣльца (собственника) возраженія объ утратѣ послѣднимъ права на искъ въ виду истеченія давности ³⁾. Это рѣшительное исключеніе изъ общаго правила о давности есть въ то же время и единственное извѣстное законодательству исключеніе изъ правилъ о давности владѣнія и о давности иска объ имущество.

Кажущимся, но только кажущимся, исключеніемъ изъ общаго правила о давности владѣнія представляется то по-

---

¹⁾ I П. С. З. № 19202. 1845 г. іюля 16—ст. 39 составляетъ текстъ нынѣшней 564 ст. ч. 1 т. X.

²⁾ Соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ 692 и 694 ст. ч. 1 т. X.

³⁾ Законъ 25 мая 1899 г. о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ не содержитъ подобнаго постановленія,—слѣдовательно временно-заповѣдныя имѣнія не взяты изъ-подъ дѣйствія земской давности.

ложение, въ которомъ находятся лица польскаго происхожденія, равно и другія лица съ ограниченою правоспособностью относительно пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ. Такія лица по давности владѣнія не могутъ пріобрѣсти права собственности на недвижимость (въ городовъ и мѣстечекъ), какъ бы долго ни осуществляли они спокойное, непрерывное и безспорное владѣніе въ видѣ собственности. Формулированнаго въ такомъ видѣ правила законъ не знаетъ; но изъ примѣч. 2 къ ст. 698 ч. 1 т. X, гдѣ говорится, что „считаются недействительными всѣ совершенные (послѣ объявленія Высочайшаго повелѣнія 10 декабря 1865 года) акты и сдѣлки на переходъ имѣній къ лицамъ польскаго происхожденія всякимъ инымъ путемъ кромѣ наслѣдства по закону“, — нельзя не вывести, что недвижимыя имѣнія не могутъ быть пріобрѣтаемы (въ городовъ и мѣстечекъ) лицами польскаго происхожденія и по давности владѣнія. Само собою разумѣется, что давностное владѣніе съ признаками 533 ст., завершившееся до объявленія закона 10 декабря 1865 года, должно быть признаваемо превратившимся въ право собственности, хотя бы требованіе о признаніи этого превращенія заявлено было и въ настоящее время, при дѣйствіи ограничительнаго закона: владѣніе превращается въ право собственности, по ст. 533, само по себѣ, и безъ судебного о томъ опредѣленія; поэтому судъ не въ правѣ отказать лицу польскаго происхожденія въ признаніи за нимъ права собственности по давности владѣнія на такое имущество, которое до 10 декабря 1865 года состояло во владѣніи просителя или его наслѣдодателей въ теченіе срока земской давности и при наличности требуемаго закономъ характера владѣнія. Наоборотъ, тѣ недвижимыя имущества, которыя до изданія закона 10 декабря 1865 года состояли во владѣніи лицъ польскаго происхожденія менѣе 10 лѣтъ, хотя бы и при наличности требуемыхъ закономъ признаковъ владѣнія, не могли превратиться въ объектъ собственности: ибо давность владѣнія не разсматривается какъ способъ пріобрѣтателя, постепенно усиливающей право владѣльца на состоящее въ его обладаніи имущество, — давность приводитъ къ пріобрѣтенію права

только тогда, когда она исполнялась (истекъ срокъ давности), въ противномъ же случаѣ давности и быть не можетъ. Начавшееся, но не закончившееся теченіе давности никакого права и никакой части права не создаетъ. На этомъ основаніи представляется совершенно неправильнымъ то положеніе, къ которому приходитъ Сенатъ въ рѣшеніи 1896 г. № 123, гдѣ, между прочимъ, сказано: „Не стѣсняя ни въ чемъ существовавшаго ранѣе фактическаго владѣнія, законъ 10 декабря 1865 года не ставитъ никакихъ препятствій къ продолженію этого владѣнія и превращенію его, при извѣстныхъ условіяхъ, въ право собственности (533 ст. 1 ч. X т.). Поэтому и здѣсь въполнѣ примѣнимы постановленія общихъ законовъ о давности какъ пріобрѣтательной, такъ и исковой“. Въ этомъ положеніи совершенно неправильно объединено примѣненіе давности матеріальной и давности процессуальной. Здѣсь наблюдается уклоненіе отъ того высказаннаго прежде взгляда, будто бы наши законы о давности суть правила матеріальнаго только права.

Фактическая сторона дѣла, давшего поводъ Правительствующему Сенату высказаться въ указанномъ выше смыслѣ, сколько можно судить по краткому изложенію въ рѣшеніи 1896 г. № 123, заключалась въ томъ, что наследники Барановича предъявили 4 сентября 1890 г. искъ къ Софіи Маевской о фольваркѣ Могилины, состоящемъ въ Минской губерніи и принадлежавшемъ наследодателю истцовъ Кипріяну Барановичу; во владѣніи отвѣтчицы Маевской, лица польскаго происхожденія, спорное имѣніе состояло съ 1860 года, и давностью владѣнія, очевидно, и защищалась отвѣтчица. Виленская судебная палата разсуждала, что съ 1860 г., когда Маевская завладѣла спорнымъ имуществомъ, до изданія закона 10 декабря 1865 г., воспретившаго лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ Западномъ краѣ, не протекла давность, а съ изданіемъ означеннаго закона, Маевская, за которой укрѣплено было помянутое имѣніе по давности владѣнія, по опредѣленію Минской соединенной палаты отъ 20 августа 1879 года, лишилась вообще права пріобрѣтать въ томъ краѣ имѣнія вся-

кими способами, кромѣ наслѣдства по закону, въ виду чего истцы не могли утратить права на искъ за пропускомъ давности (?). По симъ основаніямъ палата признала педѣйствительнымъ какъ опредѣленіе Минской соединенной палаты, такъ и выданное въ силу его крѣпостное свидѣтельство, и постановила изъять фольваркъ Могіяны изъ владѣнія отвѣтчицы и передать истцамъ. Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Виленской судебной палаты отмѣнилъ, высказавъ приведенное выше положеніе. Но какъ неправильна мотивировка палаты, такъ не можетъ быть признана соответствующей законамъ о давности и аргументація Сената. Судебная палата правильно признала, что отвѣтчица Маевская, при дѣйствіи закона 10 декабря 1865 года, не могла пріобрѣсти права собственности по давности владѣнія. Взглядъ Сената, будто бы пріобрѣтеніе имущества по давности владѣнія, начавшись до изданія закона 10 декабря 1865 года, могло окончиться при дѣйствіи закона, не можетъ быть признанъ правильнымъ. Давность превращаетъ владѣніе въ право собственности въ томъ лишь случаѣ, если владѣніе протекаетъ при неизмѣняющихся условіяхъ беспорядности, спокойности и непрерывности. Но владѣніе лица польскаго происхожденія недвижимымъ имѣніемъ, начавшееся при условіяхъ ст. 533 до 10 декабря 1865 года, послѣ этого момента утрачиваетъ свой существенный характеръ: безъ этого закона владѣніе могло бы превратиться въ право собственности для лица польскаго происхожденія, потому что давность владѣнія есть способъ пріобрѣтенія права собственности, а лица польскаго происхожденія не лишены были до 10 декабря 1865 г. права пріобрѣтать имущества; послѣ изданія закона 10 декабря 1865 г. лица польскаго происхожденія поставлены въ невозможность пріобрѣтать имущества недвижимыя виѣ городовъ и мѣстечекъ, слѣдовательно все совершаемое ими въ цѣляхъ пріобрѣтенія—юридически ничтожно. Владѣніе имѣніемъ, начавшееся до изданія ограничительнаго закона, не создало для владѣльца права,—потому что не исполнилась давность; продолженіе владѣнія послѣ изданія ограничительнаго закона никакой пользы, въ юридическомъ смыслѣ, для

владѣльца не приноситъ, ибо, если бы давность исполнилась, она стала бы для владѣльца (польскаго происхожденія) способомъ приобрѣтенія права собственности, а всѣ способы приобрѣтенія, кромѣ наслѣдованія по закону, для такихъ лицъ закрыты.

Давность есть способъ приобрѣтенія только при наступленіи конечнаго момента, а до наступленія заключительнаго момента о способѣ приобрѣтенія и рѣчи быть не можетъ. Но давность владѣнія, какъ и всякій другой способъ приобрѣтенія недвижимаго имущества, для лицъ польскаго происхожденія не существуетъ, и владѣлецъ польскаго происхожденія въ отраженіе иска противной стороны не можетъ ссылаться на возникшее для него, при дѣйствіи общихъ правилъ о приобрѣтательной давности, право. Иначе обстоитъ дѣло съ давностью исковой. Палата утверждала, что въ разсматриваемомъ дѣлѣ истцы не могли утратить права на искъ за пропускомъ давности, въ виду того, что отвѣтчица Маевская съ 1865 г. лишена была права приобрѣсти въ Западномъ краѣ недвижимое имѣніе всякимъ инымъ способомъ, кромѣ наслѣдованія. Разумѣется, и тезисъ, и его мотивировка не выдерживаютъ критики. Если отвѣтчица и лишена была права приобрѣсти имѣніе, то это не значитъ, что она поставлена была въ невозможность нарушить права законнаго владѣльца; нарушение права владѣльца наблюдается именно въ томъ случаѣ, когда право подвергается воздѣйствію субъекта неуправомоченнаго. Противъ нарушителя у лица, право котораго подверглось нарушенію, возникаетъ искъ; нарушение права не есть для нарушителя способъ къ приобрѣтенію права, какъ не есть оно и основаніе къ прекращенію нарушеннаго права, потому что, какъ уже изложено выше, подвергшееся нарушенію право собственности можетъ прекратиться для титулованнаго владѣльца не потому, что отвѣтчикъ завладѣлъ имуществомъ, а только потому, что у завладѣвшаго чужимъ имуществомъ послѣднее въ силу дѣйствія давности можетъ обратиться въ объектъ права собственности, и въ силу возникновенія новаго права собственности прекращается прежнее. Объединять оба вида давности и переносить дѣйствіе

давности пріобрѣтательной на давность иска имѣть основанія. Если путемъ толкованія и слѣдуетъ прійти къ заключенію, что для нѣкоторыхъ категорій лицъ давность, какъ способъ пріобрѣтенія, не существуетъ, то и не должно распростра- нять этотъ выводъ и на давность исковую. Гдѣ есть искъ, тамъ дѣйствуетъ и возраженіе противъ иска въ видѣ ссылки на продолжительное непредъявленіе иска. Изъ правила „всякій искъ да уничтожится“ законъ не дѣлаетъ исключеній. Не- возможность для лица польскаго происхожденія пріобрѣсти по давности имущество не устраняетъ для лица съ ограничен- ною правоспособностью возможности противопоставить иску возраженіе о давности. Что же получается въ результатѣ? Разсматривая этотъ вопросъ примѣнительно къ обстоятель- ствамъ дѣла по иску наслѣдниковъ Барановича къ Маевской, надлежитъ признать, что Маевская права собственности на состоявшее въ ея владѣніи съ 1860 г. недвижимое имѣніе пріобрѣсти не могла, но на искъ Барановичей она могла отвѣчать возраженіемъ о давности исковой и Барановичамъ въ искѣ надлежало отказать, — послѣ чего владѣніе Маевской осталось бы за нею въ томъ видѣ, въ какомъ существовало оно и ранѣе: титула укрѣпленія Маевская никогда пріобрѣ- сти не можетъ, въ силу интерпретаціи Высочайшаго пове- дѣнія 10 декабря 1865 г.; она въ недостаточной степени защищена противъ нарушеній ея владѣнія, по истеченіи шестимѣсячнаго срока (ст. 29 п. 4 уст. гражд. суд.), про- тивъ лицъ, осуществившихъ свои притязанія на ея владѣніе, но на иски первоначальнаго собственника она имѣетъ дѣй- ствительный способъ защиты въ видѣ возраженія о давности исковой, а затѣмъ и въ *exceptio rei judicatae*. Получается од- нимъ словомъ для лица съ ограниченою правоспособностью (въ смыслѣ права пріобрѣтать недвижимыя имѣнія) тотъ же самый результатъ, который долженъ былъ существовать въ періодъ времени между изданіемъ манифеста 1787 года и изданіемъ Свода законовъ: давностью (исковой) право на искъ уничтожено, но для нарушителя право собственности не возникло, такъ какъ давность манифеста не есть давность пріобрѣтательная, а является лишь давностью, погашающей

право на искъ. Что искъ противъ лица польскаго происхожденія возможенъ,—а слѣдовательно возможно и возраженіе противъ иска со ссылкой на давность,—это обнаруживается изъ закона 27 декабря 1884 года, 10 и 11 статьями котораго въ случаѣ нарушенія ограничительныхъ законовъ „предоставляется право вчинать въ мѣстномъ окружномъ судѣ искъ объ уничтоженіи акта“, при чемъ право на такого рода *иски* предоставляется и губерискимъ начальствамъ; иски этого рода, возбуждаемые администраціей, ведутся порядкомъ, для дѣлъ казеннаго управленія установленнымъ ¹⁾. Сенатъ, основываясь между прочимъ и на этомъ законѣ, утверждаетъ—и совершенно правильно,—что къ исковому порядку, установленному на эти случаи, примѣняются вообще всѣ правила, относящіяся къ этому порядку, въ томъ числѣ и постановленія общихъ законовъ о давности (прил. къ ст. 694 ч. 1 т. X). Вполнѣ послѣдовательно выводитъ отсюда Сенатъ, что если владѣніе лица польскаго происхожденія, начавшееся послѣ изданія закона 10 декабря 1865 г. и въ нарушеніе сего закона, можетъ быть прекращено по иску собственника или административной власти, предъявленному въ предѣлахъ срока исковой давности, то еще съ большимъ основаніемъ общій законъ о давности долженъ быть примѣненъ къ иску собственника, направленному къ прекращенію владѣнія, начавшагося до изданія закона 10 декабря 1865 г. Но совершенно непонятнымъ является послѣ приведенныхъ разсужденій то положеніе Сената, что къ разсмотрѣнному судебной палатой дѣлу вполнѣ примѣнимы постановленія общихъ законовъ о давности, *какъ пріобрѣтательной, такъ и исковой*, нарушенныя будто бы палатой: между тѣмъ палатой нарушены только правила объ исковой давности, давность же матеріальная примѣнена правильно въ существѣ своемъ. Ошибка въ разсужденіяхъ палаты заключается въ томъ же, въ чемъ сдѣлана ошибка и Сенатомъ,—въ отождествленіи давности иска съ давностью владѣнія ²⁾. Рѣшеніе палаты подлежало отмѣнѣ

---

¹⁾ Ст. 698 прил. къ прим. 2 ч. 1 т. X.

²⁾ Ср. рѣш. 1890 г. № 124. Отмѣненное этимъ кассационнымъ рѣшеніемъ

не потому, что отвѣтчица Маевская приобрѣла будто бы право собственности—этого права послѣ закона 10 декабря 1865 года она не могла приобрести никогда,—а потому, что истцы потеряли за истеченіемъ давности право на искъ. Благодаря такому соотношенію между давностью владѣнія и давностью исковой, лица съ ограниченной правоспособностью поставлены въ невозможность приобрести право собственности на недвижимое имущество, но не лишены возможности владѣть имуществомъ, защищая свое владѣніе противъ притязанія тѣхъ лицъ, частныя права которыхъ нарушаются самимъ фактомъ владѣнія. Практически такое явленіе неудобно для сторонъ; оно не соотвѣтствуетъ и тѣмъ цѣлямъ, какія имѣлъ въ виду законодатель, создавая ограничительные законы. Въ интересахъ достиженія предначертанной цѣли было бы объявленіе исковъ противъ лицъ съ ограничебною правоспособностью неподлежащими дѣйствію давности: по такого постановленія въ законахъ не содержится, а интерпретація не можетъ привести здѣсь къ тому выводу, какой сдѣланъ относительно давности владѣнія. Если лицамъ польскаго происхожденія, евреямъ и иностранцамъ недоступны способы приобретения права собственности на недвижимыя имущества, то законъ не ограничилъ лицъ, принадлежащихъ къ этимъ категоріямъ, въ правѣ судебной защиты, въ правѣ отражать притязанія постороннихъ лицъ, заявляемыя въ формѣ исковъ.

Историческое развитіе законовъ объ общемъ срокѣ земской

опредѣленіе судебной палаты основано между прочимъ на неправильно изложенномъ рѣшеніи 1886 года № 9, гдѣ будто бы выражено, „что коль скоро извѣстное имущество не подлежитъ, въ силу закона, присвоенію въ собственность со стороны даннаго лица и такое ограниченіе вызывается общегосударственными интересами, то искъ объ изъятіи имущества изъ владѣнія присвоившаго его къ своей собственности не можетъ быть погашенъ истеченіемъ земской давности, причѣмъ присвоеніе такого имущества всегда останется недѣйствительнымъ и ничтожнымъ“. На самомъ дѣлѣ въ рѣшеніи 1886 г. № 9 Сенатъ высказался по поводу завладѣнія имущества, изъятими изъ гражданскаго оборота, а вовсе не имѣлъ въ виду только имущество, приобретеніе коихъ недоступно данному лицу. Законъ не знаетъ исключеній изъ правила о погашеніи *исковъ* давностью. Принисанное палатой Сенату положеніе не было бы исполненіемъ пробѣла въ правилахъ прил. къ ст. 694, созданнымъ путемъ толкованія, а представляло бы по существу своему новую норму, вносящую въ Сводъ публичное ему начало.

давности показываетъ, что къ объединенію правилъ о давности исковой и давности пріобрѣтательной, къ возведенію обѣихъ давностей къ одной высшей и общей категоріи не представляется основаній; что нѣтъ единого института давности, благодаря которому право одного субъекта разрушалось бы, а для другаго субъекта то же самое право пріобрѣталось бы. Неожиданно появившаяся въ Сводѣ законовъ гражданскихъ нынѣшняя 533 ст. не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Давность исковая и давность владѣнія не суть двѣ стороны одного и того же института, а являются произведеніемъ двухъ самостоятельныхъ законовъ: 4 п. манифеста 1787 г. съ послѣдующими его разъясненіями, распространяющими исковую давность на всеѣ области Имперіи, и 316 ст. ч. 1 т. X изд. 1832 г., получившей въ изданіи Свода 1842 г. (въ ст. 451) важное дополненіе („въ видѣ собственности“). Хотя статья Свода (533) и основывается, судя по ссылкамъ, на тѣхъ же законодательныхъ актахъ, изъ которыхъ почерпнуты нынѣшнія ст. 692 и 694 ч. 1 т. X, однако ссылками этими могутъ быть оправданы только отдѣльныя предположенія давности владѣнія, но не самый продуктъ этихъ элементовъ, не санкція „превращается въ право собственности“. Такого послѣдствія спокойнаго, непрерывнаго и безспорнаго владѣнія въ видѣ собственности не создавалъ ни одинъ изъ предшествующихъ Своду упоминаемыхъ въ немъ законодательныхъ актовъ. И наша давность владѣнія, въ сравненіи съ давностью исковой, имѣетъ небольшой кругъ примѣненія: тогда какъ давностью исковой разрушается *всякій искъ* о недвижимомъ и движимомъ имѣніи, давностью владѣнія пріобрѣтается *одно только* право собственности; законъ о давности иска не знаетъ исключеній, законъ о давности владѣнія не распространяется на имущества, изъятыя изъ гражданскаго оборота, каковыми, въ смыслѣ отчужденія, являются заповѣдныя наследственныя имѣнія, какъ не распространяется на владѣльцевъ съ ограниченою правоспособностью. Но независимость одной давности отъ другой не нарушается и тѣмъ, что на имущество, относительно котораго искъ уничтоженъ силою давности, для другаго лица

возникаетъ право собственности. Мыслимы случаи, когда искъ способенъ, такъ сказать, воскреснуть,—при замѣнѣ первоначальнаго нарушителя новымъ, отъ него независящимъ: возраженія о погашеніи иска давностью со стороны новаго нарушителя здѣсь быть не можетъ (если, разумѣется, не истекъ новый десятилѣтній срокъ со времени вторичнаго нарушенія), но здѣсь со стороны вторичнаго нарушителя, отвѣтчика, можетъ послѣдовать возраженіе въ томъ смыслѣ, что искъ предъявленъ не собственникомъ, ибо право собственности, влѣдствіе совокупнаго дѣйствія предположеній ст. 533, возникло для первоначальнаго нарушителя, который только и можетъ быть истцомъ; если же для первоначальнаго нарушителя, за отсутствіемъ въ конкретномъ случаѣ того или иного изъ предположеній ст. 533, не возникло право собственности, то все же искъ противъ него, за истеченіемъ давности, предъявленъ быть не можетъ,—и утрата права на искъ въ лицѣ первоначальнаго собственника не приводитъ къ возникновенію права собственности въ лицѣ нарушителя. Давность владѣнія всегда совпадаетъ съ потерю права на искъ, но давность иска не всегда совпадаетъ съ приобрѣтеніемъ права собственности, т. е. не всегда имѣетъ своимъ послѣдствіемъ возникновеніе для отвѣтчика права собственности. Не наблюдается совпаденія исковой и приобрѣтательной давности въ порядкѣ исчисленія срока,—ибо давность иска начинается съ того момента, когда право впервые подверглось нарушенію, и нарушеніе осталось безъ *процессуальной* реакціи со стороны первоначальнаго собственника; давность владѣнія, согласно ст. 567 ч. 1 т. X, считается съ того времени когда началось безспорное владѣніе имуществомъ; моментъ безспорности отодвигается на весь тотъ періодъ, въ теченіе коего прежній владѣлецъ управлялъ и распоряжалъ имуществомъ, какъ своею собственностью,—и это можетъ быть доказано актами. Актами, положимъ, можетъ быть доказано, что имущество собственника А было отдано въ аренду арендатору Б; но еще до окончанія срока аренды имуществомъ завладѣлъ В. У послѣдняго возникаетъ право собственности, при наличности предположеній 533 ст., только спустя

10 лѣтъ послѣ окончанія аренднаго договора, тогда какъ искъ собственника А противъ В погашенъ будетъ десятилѣтнею давностью, которую слѣдуетъ считать съ момента завладѣнія.

VI.

Давность иска проявляется въ порядкѣ возраженія на предъявленную по истеченіи 10 лѣтъ со времени ея возникновенія претензію. Давность владѣнія приобрѣтательная не нуждается въ предъявленіи иска противъ владѣльца, такъ какъ послѣдній приобрѣтаетъ исключительное и независимое право отъ лица посторонняго именно въ силу совокупнаго дѣйствія въ его лицѣ предположеній ст. 533. Разумѣется давность владѣнія можетъ проявиться и въ порядкѣ возраженія, но это не есть единственно возможный способъ обнаруженія возникшаго для владѣльца права собственности. По давности владѣнія возникаетъ право собственности для владѣльца *ipso iure*, въ силу ст. 533, гдѣ сказано, что спокойное, непрерывное и безспорное владѣніе въ видѣ собственности *превращается* въ право собственности за истеченіемъ давностнаго срока. Никакого содѣйствія, слѣдовательно, со стороны какаго бы то ни было присутственнаго мѣста или со стороны частнаго лица для такого превращенія не требуется, ибо не судъ и не частное лицо создаетъ для владѣльца право собственности, а собственность возникла для владѣльца, какъ для перваго приобрѣтателя ¹⁾. Здѣсь наблюдается то же самое явленіе, что и относительно утвержденія въ правахъ наследованія. Право

---

¹⁾ Такое значеніе ст. 533 разъяснено было Сенатомъ еще въ 1868 г. рѣш. № 449, гдѣ между прочимъ сказано: „Превращеніе совершается само собою въ силу закона, и вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ условій владѣнія, которыя съ точностью опредѣлены закономъ. Такое владѣніе для превращенія въ право собственности вовсе не нуждается въ судебномъ признаніи, облеченномъ въ форму судебного рѣшенія, безъ котораго оно, получивъ самостоятельное начало, можетъ такимъ же способомъ и продолжаться въ силу закона, безъ всякой обязанности владѣльца просить о постановленіи судебного рѣшенія порядкомъ тяжбнаго судопроизводства. Судебное рѣшеніе тогда только представляется необходимымъ, когда противъ владѣнія, основаннаго на 533 ст., будетъ отъ кого-либо предъявленъ споръ, подлежащій судебному разбирательству“.

даннаго лица на наслѣдство основывается на законѣ, но наслѣдникъ *не обязанъ* обращаться къ содѣйствию суда для опредѣленія своихъ правъ на наслѣдство ¹⁾). Но для давностнаго владѣльца, какъ и для наслѣдника по закону, можетъ представиться необходимость въ опредѣленіи права собственности на данное имущество, при содѣйствіи суда. Въ чемъ можетъ выразиться это содѣйствіе? Судъ долженъ констатировать, что владѣніе давностнаго владѣльца превратилось въ право собственности. Что такое превращеніе поступило, это, по общимъ началамъ гражданскаго процесса, долженъ доказать тотъ, кто ссылается на этотъ фактъ; а ссылка на этотъ фактъ можетъ имѣть мѣсто, во-первыхъ, въ томъ случаѣ, когда право давностнаго владѣльца подвергается отрицанію со стороны другаго субъекта, завладѣвшаго имуществомъ, т. е. когда давностный владѣлецъ выступаетъ въ роли истца; во-вторыхъ, въ томъ случаѣ, когда продолжающееся владѣніе давностнаго владѣльца оспаривается постороннимъ лицомъ, т. е. когда давностный владѣлецъ оказывается въ роли отвѣтчика. Но независимо отъ обоихъ этихъ случаевъ давностный владѣлецъ, и при отсутствіи спора о его владѣніи, въ предупрежденіе могущихъ впредь возникнуть споровъ, можетъ позаботиться о томъ, чтобы владѣніе его было констатировано судомъ. Правительствующимъ Сенатомъ разъяснено ²⁾, „что тѣ владѣльцы недвижимыхъ имѣній, которыми право собственности приобрѣтено на основаніи 533 ст. ч. 1 т. X., могутъ обращаться въ окружные суды въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства съ просьбами о предоставленіи получить свидѣтельство на владѣемое имущество“. Уставъ гражданскаго судопроизводства не знаетъ этого особаго вида охранительной процедуры, какъ не знали его и законы судопроизводства гражданскаго во 2 ч. X т. изд. 1857 г. Но книга IV уст. гражд. суд. не даетъ исчерпывающаго изображенія всѣхъ случаевъ примѣненія охранитель-

---

¹⁾ Ст. 1408 уст. гражд. суд.: „явившіеся по вызовамъ наслѣдники умершаго если они считаютъ необходимымъ обратиться для опредѣленія правъ ихъ на наслѣдство къ содѣйствию суда, заявляютъ.....“.

²⁾ Рѣш. 1872 г № 792, по дѣлу Молотняковой.

наго судопроизводства; но такъ какъ порядокъ охранительнаго судопроизводства установленъ на тѣ случаи, когда еще нѣтъ спора о правѣ, а когда лишь требуется констатировать наличность извѣстнаго права, то примѣненіе охранительнаго порядка судопроизводства къ дѣламъ о выдачѣ акта на пріобрѣтенное давностью недвижимое имущество представляется правильнымъ, — тѣмъ болѣе, что нашему уст. гражд. суд. неизвѣстны преюдиціальныя иски, имѣющіе своею цѣлью не возстановленіе нарушеннаго уже права, а только предупрежденіе могущаго возникнуть спора о правѣ ¹⁾. Къ дѣламъ о признаніи права собственности по давности владѣнія не примѣнимъ исковой, состязательный, порядокъ и потому, что до момента отрицанія права собственности, по давности владѣнія возникшаго, съ чьей бы то ни было стороны, не имѣется на лицо того субъекта, который могъ бы быть отвѣтчикомъ по дѣлу.

Цѣль охранительнаго производства, введеннаго въ судебную практику по дѣламъ о давности владѣнія рѣшеніемъ Сената 1872 г. № 792, заключается въ постановленіи опредѣленія, на основаніи котораго выдается нотаріусомъ крѣпостной актъ. Выданный на основаніи такого опредѣленія актъ, по разъясненію Сената въ томъ же рѣшеніи, можетъ быть и оспоренъ заинтересованными лицами, утверждающими, что имъ принадлежитъ право собственности на означенное въ крѣпостномъ актѣ имущество. Выданный на основаніи судебного опредѣленія крѣпостной актъ не самъ по себѣ является титуломъ права, а служитъ лишь доказательствомъ, что такой титулъ возникъ; опроверженіе такого акта, а слѣдовательно и основаннаго на изображенномъ въ немъ

---

¹⁾ Рѣш. 1875 г. № 1052. „Исковое требованіе или искъ, для разсмотрѣнія его въ состязательномъ порядкѣ, предполагаетъ съ одной стороны дѣйствительно уже происшедшее нарушеніе права, а съ другой уже возникшій по поводу права споръ. Посему, когда требованіе не заключается въ просьбѣ о возстановленіи права уже нарушеннаго, и о рѣшеніи судомъ спора дѣйствительно существующаго, а имѣетъ цѣлью лишь предупрежденіе спора, могущаго впоследствии возникнуть, то подобное требованіе не можетъ составить предмета состязательнаго судебного производства“. — Тотъ же вопросъ разсматривается Сенатомъ и въ рѣш. 1875 г. № 246.

титулъ права, представляется не возможнымъ, по истеченіи указаннаго въ ст. 1524 ч. 1 т. X срока,—но до истеченія сего срока опроверженіе акта возможно, возможенъ споръ противъ принятой судомъ въ соображеніе наличности предположеній ст. 533. Въ интересахъ прочности имущественныхъ правъ желательно, чтобы судебныя опредѣленія о выдачѣ крѣпостнаго акта на основаніи давности владѣнія по-становляемы были не только по тщательномъ изслѣдованіи доказательствъ наличности въ конкретномъ случаѣ предположеній ст. 533, но и чтобы самой процедурѣ изслѣдованія предшествовало возможно широкое оглашеніе факта подачи просьбы о признаніи права собственности по давности, съ тѣмъ чтобы заинтересованныя лица, освѣдомившись о подачѣ такой просьбы, могли сдѣлать соотвѣтствующія заявленія о своихъ правахъ. Въ случаѣ подачи такихъ заявленій судебныя мѣста были бы освобождены отъ необходимости продѣлывать двойную работу, т. е. сначала изслѣдовать представленныя давностнымъ владѣльцемъ доказательства для постановленія опредѣленія о совершившемся превращеніи факта владѣнія въ право собственности, а затѣмъ вновь изслѣдовать предъявленныя заинтересованными лицами доказательства, опровергающія ранѣе изслѣдованныя обстоятельства. Оглашеніе факта подачи просьбы могло бы быть совершаемо посредствомъ особой публикаціи, съ момента учиненія которой въ теченіе опредѣленнаго періода могли бы быть заинтересованными лицами подаваемы соотвѣтствующія заявленія, съ тѣмъ чтобы только по истеченіи назначеннаго періода судебныя мѣста приступали къ изслѣдованію всѣхъ представленныхъ по дѣлу заявленій. Подобная процедура повела бы къ тому, что сколько-нибудь сомнительныя дѣла о давности сразу были бы переводимы въ исковой порядокъ болѣе прочный по своимъ результатамъ, чѣмъ порядокъ охранительный. Подробности дѣйствующаго теперь, на основаніи рѣшенія Сената по дѣлу Молотниковой, порядка постановленія опредѣленій о давностномъ владѣніи заключаются въ томъ, что допрашиваются или свидѣтели, по ссылкѣ просителя, или окольные люди; показаніями тѣхъ

или другихъ устанавливается, что проситель владѣль земель до настоящаго времени, начавъ свое владѣніе болѣе 10 лѣтъ назадъ, что свидѣтелямъ неизвѣстно, чтобы у просителя изъ за этой земли были съ кѣмъ-либо споры, или чтобы кто-либо мѣшалъ спокойному владѣнію просителя. Трудно ли подобрать такихъ свидѣтелей, которымъ дѣйствительно были бы неизвѣстны всѣ противоположные факты? Естественно, что предусмотрительный проситель представить такихъ свидѣтелей, которые, не нарушая присяги, могутъ показать, что имъ неизвѣстны факты нарушенія или перерыва владѣнія просителя.—Законъ требуетъ, чтобы владѣніе осуществляемо было въ видѣ собственности. Какъ доказать такое отношеніе владѣльца къ состоящему въ его фактическомъ обладаніи имуществу? Какъ неизвѣстны могутъ быть свидѣтелямъ факты нарушеній и перерывовъ владѣнія, такъ же точно неизвѣстнымъ можетъ оставаться для свидѣтелей зависимый характеръ владѣнія просителя: свидѣтели покажутъ, что проситель относился къ землѣ какъ собственникъ, о какихъ-нибудь проявленіяхъ зависимаго характера владѣнія просителя свидѣтелямъ ничего не извѣстно.

Дознаніе чрезъ окольныхъ людей имѣетъ уже то преимущество предъ допросомъ свидѣтелей, что здѣсь гораздо труднѣе подстановка добросовѣстныхъ, но ничего не знающихъ объ обстоятельствахъ дѣла, свидѣтелей; самый фактъ дознанія обставленъ болшею публичностью и гласностью. Чѣмъ болше гласности получить фактъ подачи владѣльцемъ просьбы о признаніи за нимъ права собственности, тѣмъ болѣе гарантій для первоначальнаго собственника, что ему не придется оспаривать крѣпостной актъ, выданный по судебному опредѣленію давностному владѣльцу.—Во всякомъ случаѣ суду принадлежитъ оцѣнка показаній, и характеръ отношенія владѣльца къ имуществу („въ видѣ собственности“) опредѣляется, на основаніи совокупности показаній, судомъ, а не свидѣтелями ¹⁾.

---

¹⁾ Рѣш. 1888 г. № 42.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обладаніе недвижимыми имуществами поставлено подѣ бдительный контроль администраціи, признаніе факта превращенія владѣнія въ право собственности встрѣчаетъ препятствія въ томъ, что давностный владѣлецъ, помимо предположеній ст. 533, обязанъ доказать, что онъ имѣетъ право въ данной мѣстности пріобрѣтать недвижимое имущество: въ такомъ положеніи находится лица польскаго происхожденія, иностранцы, евреи, а благодаря этимъ категоріямъ субъектовъ съ ограниченою правоспособностью—и всѣ вообще полноправные субъекты, обязанные представить свидѣтельство губернатора или генераль-губернатора о разрѣшеніи имъ пріобрѣсть недвижимое имущество; въ раіонѣ дѣленія эспланадныхъ правилъ требуется свидѣтельство коменданта крѣпости (ст. 719 прим. 2 ч. 1 т. X).

Судъ, оцѣнивая представленныя просителемъ доказательства для выясненія того, осуществлялось ли владѣльцемъ его владѣніе „въ видѣ собственности“, поставленъ въ необходимость обсудить вопросъ, можетъ ли имущество, составляющее предметъ притязанія просителя, быть объектомъ частнаго обладанія, подлежитъ ли имущество присвоенію въ чью-либо исключительную собственность? Не создавая, путемъ толкованія, какого-либо новаго исключенія въ дополненіе къ статьямъ 563 и 564 ч. 1 т. X, надлежитъ признать, что имущества, не подлежащія присвоенію *въ чью-либо исключительную* собственность, не могутъ быть пріобрѣтены по давности владѣнія въ собственность ¹⁾. Но именно въоборот-

---

¹⁾ Въ рѣшеніи Сената 1886 г. № 9, между прочимъ, изображено: „воль скоро имущество опредѣленнаго свойства и назначенія (въ данномъ случаѣ большая дорога) не подлежало въ силу самого закона присвоенію въ чью-либо исключительную собственность, а составляло предметъ *свободнаго для всѣхъ гражданъ* пользованія, установленіе коего вызывается непосредственно обще-государственнымъ интересомъ, а охраненіе ставится въ прямую обязанность не только должностнымъ, но и частнымъ лицамъ (сосѣднимъ владѣльцамъ по ст. 545 зак. меж.) то, засимъ, искъ о гражданскомъ правѣ, связанномъ съ такимъ неотъемлемымъ свойствомъ имущества, не можетъ быть погашенъ истеченіемъ давности съ момента первоначальнаго занятія или присвоенія сего имущества отвѣтчикомъ. Подобное присвоеніе всегда останется недѣйствительнымъ и ничтожнымъ само

ныя имущества не могутъ быть приобрѣтаемы въ собственность по давности, потому что имущества эти вообще не могутъ быть приобрѣтаемы и не могутъ быть предметомъ исключительнаго обладанія.

Res publicae publico usui destinatae не могутъ быть приобрѣтены въ частную собственность, потому что съ усвоеніемъ ихъ кому либо въ исключительную собственность такіе предметы утратили бы свой характеръ.

Сенатская практика, создавъ форму для проявленія факта приобрѣтенія права собственности по давности владѣнія, съ достаточной подробностью разработала законныя предположенія ст. 533. Давность служитъ способомъ приобрѣтенія права только въ примѣненіи къ собственности; никакое иное право посредствомъ давности не приобрѣтается, но въ то же время никакое право давностью и не уничтожается. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ давности владѣнія, давность проявляется въ порядкѣ возраженія противъ иска, предъявленнаго по истеченіи 10 лѣтъ съ момента его возникновенія. Разрушительная сила давности проявится только въ отраженіи исковаго притязанія. Отождествлять разрушеніе иска съ уничтоженіемъ матеріальнаго права не даетъ основанія ни историческое развитіе законовъ о давности, ни дѣйствующій законъ, ни сенатская практика. Что давность во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ давности владѣнія, проявляется въ отраженіи исковаго притязанія, — объ этомъ не можетъ быть и спора.

Возможенъ ли въ этихъ случаяхъ со стороны отвѣтчика, могущаго уже противопоставить эвентуальному иску возраженіе о давности, искъ о томъ, что для эвентуальнаго истца уничтожилось право на его искъ вслѣдствіе давности? Въ практикѣ Сената вопросъ этотъ, сколько извѣстно, не возбуждался; но если принять во вниманіе взглядъ Сената на иски объ установленіи, — а искъ должника о признаніи того факта, что, за исхожденіемъ или непредъявленіемъ въ те-

ченіе срока давности, эвентуальный искъ кредитора уничтоженъ, есть именно искъ объ установленіи,—то и въ практикѣ Сената можно найти строгательный отвѣтъ на поставленный вопросъ: „въ нашемъ законодательствѣ, говоритъ Сенатъ ¹⁾, не предусмотрѣна возможность обращаться къ суду не съ требованіемъ о присужденіи какого-либо взысканія или о попужденіи къ какому-либо дѣйствию или исполненію, а только съ требованіемъ о признаніи какого-либо событія дѣйствительно совершившимся... Законъ предоставляетъ тяжущимся обращаться къ суду только съ требованіями, а предметомъ требованія можетъ быть только такое право, которое подлежитъ немедленному осуществленію, послѣ того какъ состоится объ ономъ рѣшеніе“. Пока искъ не возбужденъ и не противопоставлено ему возраженіе о давности, до тѣхъ поръ существованіе этого возраженія и проявиться не можетъ, потому что ни въ какомъ иномъ порядкѣ, какъ только въ порядкѣ возраженія, наша давность, давность исковая (за исключеніемъ разумѣется давности владѣнія) не можетъ обнаружиться.

Изслѣдованіе законодательнаго матеріала, начиная съ манифеста 1787 года, показываетъ: 1) что до изданія Свода законовъ 1832 года существовала у насъ только давность исковая; 2) что впервые созданная Сводомъ давность владѣнія является способомъ приобрѣтенія только права собственности; 3) что и послѣ изданія Свода давность, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ превращенія въ право собственности давностнаго владѣнія, имѣетъ только отрицательное значеніе,—уничтожая возможность процессуальнаго осуществленія права, отражая искъ, отъ возникновенія котораго протекла уже установленная закономъ давность; 4) что законъ нигдѣ не говоритъ, чтобы давностью разрушалось матеріальное право, лежащее въ основаніи иска; 5) что изъ правила о томъ, что давностью уничтожался искъ, законъ не дѣлаетъ исключеній; 6) что ссылка отвѣтчика на исковую давность не предполагаетъ—въ искахъ о собствен-

---

¹⁾ Рѣш. 1875 г. № 246.

ности—пріобрѣтенія отвѣтчикомъ права собственности по давности владѣнія; 7) что осуществленіе права давности, за исключеніемъ пріобрѣтенія давностью права собственности, возможно только путемъ возраженія, но не возможно путемъ иска о признаніи права эвентуальнаго истца погашеннымъ; 8) что давностью владѣнія не могутъ быть пріобрѣтаемы: по объективнымъ основаніямъ—имущества, прямо изъятая закономъ изъ-подъ дѣйствія давности; по субъективнымъ основаніямъ—имущества, пріобрѣтеніе коихъ въ силу ограничительныхъ законовъ недоступно тѣмъ или другимъ категоріямъ лицъ; по основаніямъ какъ объективнымъ, такъ и субъективнымъ—тѣ имущества, усвоеніе которыхъ кому-либо въ исключительную принадлежность закономъ не допускается; 9) что въ частности для церковныхъ земель въ законѣ не только не сдѣлано исключенія изъ правилъ о примѣнимости къ этимъ землямъ давности исковой и давности владѣнія, но имѣются напротивъ и положительныя указанія, въ томъ смыслѣ, что общій срокъ земской давности распространяется и на церковныя имущества.

00048532

ЮФ СПбГУ